

Габриэль

Гарсиа Маркес

Нобелевская
премия

Опасные приключения
Мигеля Литтина в Чили

[роман-репортаж]

KING COUNTY LIBRARY SYSTEM

30000010653404

BELL

Габриэль
Гарсиа Маркес

Опасные приключения
Мигеля Литтина
в Чили

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Астрель
МОСКВА

УДК 821.134.2 (7/8)

ББК 84 (7Кол)

Г21

Gabriel García Márquez
LA AVENTURA DE MIGUEL LITÍN
CLANDESTINO EN CHILE

Перевод с испанского М. Десятовой

Серийное оформление А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн А. Ткаченко

Печатается с разрешения Stars and Movies Copyright B.V.
и литературного агентства Agencia Literaria Carmen Balcells, S.A.

Подписано в печать 03.10.2011. Формат 84x108^{1/32}.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 10,08. Тираж 15 000 экз. Заказ 2825.

Гарсиа Маркес, Г.

Г21 Опасные приключения Мигеля Литтина в Чили / Габриэль Гарсиа Маркес; пер. с исп. М. Десятовой. — М.: АСТ: Астрель, 2012. — 186, [6] с.

ISBN 978-5-17-076069-5 (ООО «Изд-во АСТ»)

ISBN 978-5-271-38780-7 (ООО «Изд-во Астрель»)

В Европе и США эта книга произвела эффект разорвавшейся бомбы, — а в Чили ее первый тираж был уничтожен по личному приказу Аугусто Пиночета.

...В 1985 году высланный из Чили режиссер Мигель Литтин нелегально вернулся, чтобы снять фильм о том, во что превратили страну двенадцать лет военной диктатуры. Невзирая на смертельную опасность, пользуясь скрытой камерой, он создал уникальный фильм «Всеобщая декларация Чили», удостоенный приза на Венецианском кинофестивале. Документальный роман Маркеса — не просто захватывающая история приключений Литтина на многострадальной родине. Это великолепная стилизация в духе авантюрной испанской прозы XVI — XVII веков.

ISBN 978-985-18-0422-7
(ООО «Харвест»)

УДК 821.134.2 (7/8)
ББК 84 (7Кол)

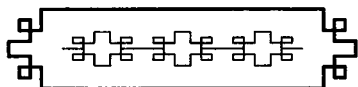
© Gabriel García Márquez, 1986

© Перевод. М. Десятова, 2011

Школа перевода В. Баканова, 2011

© Издание на русском языке AST Publishers, 2011

От автора

В начале 1985 года чилийский режиссер Мигель Литтин — числившийся в списке пяти тысяч граждан, безвозвратно высланных из страны, — нелегально прилетел в Чили на полтора месяца и отснял более семи тысяч метров пленки, запечатлевая на ней, во что превратили его родину двенадцать лет диктатуры. Изменив внешность, манеру одежды и речи, запасшись фальшивыми документами, заручившись поддержкой подпольных борцов за демократию, Литтин с тремя европейскими съемочными группами и шестью командами молодых подпольщиков заглянул во все уголки страны, включая дворец Ла-Монеда*. Снятые

* Официальная резиденция президента Чили, расположенная в Сантьяго. В здании находятся также

их усилиями четырехчасовой телефильм и двухчасовой кинофильм на днях начнут демонстрироваться по всему миру.

Полгода назад, когда Мигель Литтин рассказывал мне в Мадриде о работе над съемками, я понял, что за сюжетом его фильма скрывается другой, не менее увлекательный, рискующий, в отличие от первого, никогда не увидеть свет. И Литтин, согласившись на долгое, изнурительное интервью длиной в неделю, наговорил восемнадцать часов магнитофонной записи. На этой ленте запечатлен профессиональный и гражданский подвиг, который я изложу в сжатом виде в последующих десяти главах.

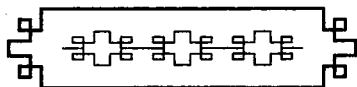
Некоторые имена и данные в книге изменены ради безопасности героев, по-прежнему живущих в Чили. Однако я сохранил повествование от первого лица в том виде, в каком услышал его от Литтина, стремясь передать его собственные (местами доверительные) интонации, лишённые драматизма и исторических притязаний. Разумеется, общий стиль текста все равно мой, поскольку авторскую манеру тяжело изменить, особенно когда ужимаешь почти шестьсот страниц до ста пятидесяти. Однако исконные чилий-

министерство внутренних дел и секретариаты президента и правительства. — *Здесь и далее примеч. пер.*

ские обороты и мнение рассказчика, не всегда совпадающее с моим, я постарался не исказить.

По характеру подачи материала эта книга представляет собой репортаж. Однако на самом деле это нечто большее — реконструкция мыслей и чувств, позволивших, выйдя за рамки изначального замысла, создать гораздо более волнующий и берущий за душу фильм, высмеивающий пагубные проявления диктаторского режима. Как сказал сам Литтин: «Этот поступок я не назвал бы самым героическим в своей жизни, скорее самым достойным». Подтверждаю. И думаю, именно в этом его величие и состоит.

Габриэль Гарсиа Маркес

1. Нелегал в Чили

Самолет авиакомпании «Ладеко», следующий рейсом сто пятнадцать из парагвайского Асунсьона, готовился к посадке в аэропорту чилийской столицы Сантьяго с более чем часовым опозданием. Слева поблескивал семитысячник вулкана Аконкагуа, отливающий сталью в лунном свете. Зловеще накренившись на левое крыло, затем с мрачным скрежетом выправившись, самолет слишком рано коснулся колесами полосы и выдал три кенгуриных прыжка. Я, Мигель Литтин, сын Эрнана и Кристины, кинорежиссер и один из пяти тысяч чилийцев, навсегда высланных из страны, снова оказался на родине после двенадцатилетней ссылки. Однако я по-прежнему ощущал себя изгнанником, поскольку вернулся под фальшивой личиной, с фальшивым

паспортом и даже с фальшивой супругой. Измененная внешность и манера одеваться сделали меня неузнаваемым (в том числе, как показало время, для родной матери).

Мало кто в целом мире подозревал о нашей задумке, однако одна из посвященных летела со мной в одном самолете — Елена, молодая и симпатичная активистка чилийского сопротивления, которую организация делегировала мне в качестве связной. Ей предстояло договариваться с подпольщиками, передавать явки и пароли, подыскивать места для интервью, оценивать оперативную обстановку, утрясать встречи и заботиться о нашей безопасности. В случае моего ареста, исчезновения или неявки на связь более суток она должна была публично заявить о моем пребывании в Чили и поднять международную тревогу. Не состоя в браке по документам, весь путь от Мадрида до Сантьяго через полмира и семь аэропортов мы тем не менее проделали будто законные супруги, однако на этом последнем полуторачасовом перелете решили сесть порознь и сойти на землю как незнакомцы. Паспортный контроль Елена проходила после меня, чтобы в случае опасности подать сигнал своим. Если же накладок не возникнет, мы воссоединимся и выйдем из аэропорта как чинная супружеская пара.

На словах наша задача выглядит простой, однако на самом деле предприятие предстояло весьма рискованное — тайно отснять документальный фильм о жизни страны, двенадцать лет томившейся под гнетом диктатуры. Идею навеяла давняя мечта, зревшая не один год: для кинематографиста, у которого образ далекой родины уже успел раствориться в тумане ностальгии, нет лучшего способа возродить его в памяти, чем снять изнутри. Мечта стала еще более навязчивой, когда чилийское правительство начало публиковать списки получивших разрешение вернуться. Своего имени я там по-прежнему не обнаруживал. Предел отчаяния наступил, когда моя фамилия появилась в перечне пяти тысяч лиц, которым было навсегда отказано в возвращении. Поэтому когда в конце концов мне выпала возможность осуществить мечту, — почти случайно и совершенно неожиданно, — я уже больше двух лет как оставил всякую надежду воплотить ее в жизнь.

Случилось это осенью 1984 года в баскском городе Сан-Себастьяне. Я перебрался туда полгода назад, вместе с Эли и нашими тремя детьми, снимать художественный фильм, который, подобно другим своим товарищам по несчастью, лег на полку по велению продюсеров за неделю до предполагаемого начала съемок. Я оказался не у дел. Но как-то раз, ужиная во время кинофести-

валя с приятелями в популярном ресторане, я снова обмолвился о своей давней мечте. Идея вызвала живой интерес не только в силу своей очевидной политической злободневности, но и как повод утереть нос «всемогущему» Пиночету. Никому тогда и в голову не пришло искать в этих фантазиях что-то большее, чем тоску изгнанника по родине. Однако уже утром, когда мы возвращались домой по сонным улицам старого города, итальянский продюсер Лучано Бальдуччи, за столом большей частью молчавший, ухватил меня за локоть и как бы невзначай отвел в сторону. «Нужный тебе человек, — сказал он, — ждет в Париже».

Он не ошибся. Нужный мне человек занимал ответственный пост в чилийском сопротивлении и вынашивал проект, лишь немногим отличавшийся от моего. Единственной четырехчасовой беседы в укромном уголке «Куполя» при активном участии Бальдуччи нам обоим хватило, чтобы воплотить в жизнь выстраданный мной замысел, проработанный бессонными ночами в мельчайших подробностях.

Первым делом предстояло переправить в Чили три съемочные группы — итальянскую, французскую и еще одну, по документам голландскую, но обитавшую на самом деле где-то в других странах Европы. Все абсолютно легальные, с официальными разрешениями, под защитой своих по-

сольств. Итальянская группа под руководством одной журналистки будет делать вид, что снимает документальный фильм об итальянской эмиграции в Чили, делая особый упор на творчество Хоакина Тоески — архитектора, проектировавшего дворец Ла-Монеда. Французскую группу аккредитуют на съемку документальной ленты в естественно-научном жанре — о географии Чили. Третья будет рассказывать о недавних землетрясениях. Ни одна из групп не узнает о существовании двух остальных. Истинная цель съемок, равно как и фигура настоящего режиссера, останется тайной для всех участников, кроме непосредственных руководителей — профессионалов своего дела, политически подкованных и полностью сознающих, на какой риск идут. Этот этап подготовки оказался самым легким, достаточно было короткой встречи с каждой из групп. Все три, аккредитованные, с оформленными по всем правилам контрактами, к моему прибытию в Чили уже обосновались и ждали распоряжений.

Драма перевоплощения

Гораздо тяжелее мне далось превращение в другого человека. Внутренние перемены — это результат постоянной борьбы, в которой мы, не

желая терять себя, сопротивляемся своей же тяге к новизне. Поэтому сложнее всего, как ни странно, оказалось не освоить новое, а преодолеть мое подсознательное нежелание перемен, как внешних, так и внутренних. Мне пришлось отказаться от собственного «я» и перевоплотиться в кого-то совсем другого, не вызывающего подозрений у полиции, выдворившей меня из страны, и неузнаваемого для моих собственных друзей. Около трех недель со мной возились под руководством специалиста по особо секретным операциям, приехавшего непосредственно из Чили, двое психологов и гример. Без устали сражаясь с моим инстинктивным стремлением цепляться за прежний облик и привычки, они совершили настоящее чудо.

Прежде всего борода. Недостаточно было просто сбрить ее, требовалось избавиться от всех своих с ней ассоциаций. Я начал отпускать ее еще в молодости, когда собирался снимать свой первый фильм, потом несколько раз сбрасывал, но ни разу не начинал съемок без нее. В ней словно воплотилась моя режиссерская ипостась. Мои дяди тоже носили бороду, это был еще один повод ею дорожить. Когда несколько лет назад в Мексике я ее все-таки сбрил, ни мои друзья, ни родные, ни я сам никак не могли привыкнуть к новому облику. Все шарахались от меня как от не-

знакомца, однако я упорно отказывался отпускать бороду снова, считая, что она меня старит. Сомнения разрешила Каталина, моя младшая дочь:

— Да, без бороды ты как будто помолодел.

Зато с ней красивее.

Вот почему расстаться с бородой перед отправлением в Чили значило не просто поработать помазком и бритвой. Предстоял более глубокий процесс прощания с частью себя. Бороду постепенно подстригали, наблюдая за происходящими переменами, оценивая, как разная длина отражается на моей внешности и характере, пока наконец не сбрили под ноль. Лишь несколько дней спустя я отважился посмотретья в зеркало.

Затем прическа. Волосы у меня черные: называются гены матери-гречанки и отца-палестинца, наградившего меня заодно склонностью к раннему облысению. Первым делом мою шевелюру перекрасили в светло-каштановый. Потом, поэкспериментировав с прическами, решили не идти против природы. Вместо того чтобы, согласно первоначальному замыслу, скрывать залысины, их, наоборот, подчеркнули, не только зализав волосы назад, но и довершив с помощью машинки для стрижки начатое безжалостным возрастом.

Как ни парадоксально, почти неуловимыми штрихами можно, оказывается, преобразить

форму лица до неузнаваемости. После того как мне депилировали кончики бровей, моя круглая, как полная луна, физиономия (тогда я и сам был поплотнее) будто вытянулась. Этот легкий восточный налет куда больше вязался, как ни странно, с моими корнями. Последним шагом стали очки с градуированными стеклами, из-за которых пришлось несколько дней помучиться сильной головной болью. Однако благодаря им менялись визуально не только сами глаза, но и взгляд.

Дальше дело пошло проще, хотя здесь от меня потребовались внушительные психологические усилия. Чтобы изменить лицо и прическу, достаточно довериться гримеру, тогда как общий облик предполагает особую работу над собой и повышенную сосредоточенность. Мне предстояло сменить классовую принадлежность. Вместо неизменных джинсов и курток пришлось переходить на коверкотовые костюмы известных европейских марок, сшитые на заказ сорочки, замшевые туфли и итальянские галстуки с ручной росписью. Мой деревенский чилийский говор, быстрый и захлебывающийся, должна была сменить размеренная и плавная речь зажиточного уругвайца, поскольку именно эту национальность мы выбрали для прикрытия. Меня учили смеяться сдержаннее, ходить неспешно и помо-

гать себе жестикуляцией в беседе. В итоге я должен был из бедного кинорежиссера-нонконформиста превратиться в того, кем меньше всего на свете хотел бы стать, — холеного буржуа. Или, как говорят чилийцы, в толстосума.

Превращаясь в свою полную противоположность, я одновременно учился уживаться с Еленой в особняке Шестнадцатого округа Парижа, впервые усваивая порядки, установленные кем-то другим, до меня, и выдерживая скудную спартанскую диету, чтобы сбросить десять кило из своих тогдашних восьмидесяти семи. Я жил в чужом доме, ничуть не похожем на мой, запечатлевая его в своей памяти. Нужно было обрасти псевдовоспоминаниями, чтобы избежать возможных нестыковок в разговорах. Опыт получился уникальным, однако довольно скоро я осознал: несмотря на внешнюю привлекательность Елены и ответственность как в делах, так и в быту, ужиться с ней я бы не смог никогда. Ее выбрали за политическую надежность и профессионализм, а мне оставалось лишь катить по узким рельсам, не оставлявшим простора для маневров. Моя творческая натура отчаянно сопротивлялась. Позже, когда все уже наладилось, я понял, что был несправедлив к Елене, — возможно, оттого что подсознательно ассоциировал ее с противным мне «альтер эго», в которого очень

не хотел перевоплощаться, даже сознавая жизненную необходимость этого перевоплощения. Сегодня, вспоминая тот уникальный опыт, я думаю, что наш брак был бы идеальным — при условии, что мы смогли бы ужиться под одной крышей.

Елене менять личность и документы не требовалось. Она чилийка, но уже больше пятнадцати лет не жила в Чили постоянно, при этом ее никто не высылал и в розыске ни в одной стране мира она не числилась, так что прикрытие у нее было идеальное. Она неоднократно выполняла важные политические задания в других странах, и мысль поучаствовать в подпольных кино съемках на своей собственной родине показалась ей заманчивой. Зато у меня трудностей с самоидентификацией было хоть отбавляй, поскольку идеально подходящая по техническим соображениям национальность требовала сменить характер на прямо противоположный и обзавестись выдуманным прошлым в незнакомой стране. Тем не менее к назначенному сроку я научился откликаться на свое вымышленное имя и отвечать на самые заковыристые вопросы о Монтевидео — о том, какими автобусами добираться до моего дома, и даже о том, как поживают мои бывшие одноклассники, двадцать пять лет назад выпустившиеся из лица номер одиннадцать на

Итальянском проспекте в двух кварталах от аптеки и в одном квартале от нового супермаркета.

Чего мне не рекомендовалось делать категорически — это смеяться, поскольку мой выразительный смех мог свести на нет все усилия по маскировке. Настолько, что ответственный за перевоплощение заявил, придав голосу побольше драматизма: «Засмеешься — тебе конец». Впрочем, каменное не улыбочливое лицо у акулы мирового бизнеса скорее норма.

В самый разгар подготовки наш замысел оказался на грани срыва из-за того, что в Чили вновь объявили осадное положение. Военная хунта, пришибленная сокрушительным крахом экономической авантюры, в которую вовлекли страну «чикагские мальчики», отвечала таким образом на единодушный протест оппозиции, впервые выступившей общим фронтом. В мае 1983 года начались уличные демонстрации с активным участием молодежи, особенно женского пола. Демонстрации шли в течение всего года и жестоко подавлялись. Затем силами оппозиции, как легальной, так и подпольной, и впервые прикnuвших к ним прогрессивных кругов буржуазии, удалось вывести народ на всеобщую забастовку длиной в день. Власти, уязвленные подобной сплоченностью и решительным настроем, ввели в качестве контрмеры осадное положение.

Взбешенный Пиночет разразился воплем на весь мир: «Если это не прекратится, мы повторим одиннадцатое сентября!»

С одной стороны, для нашего фильма, предполагавшего открыть миру глаза на истинное положение дел в Чили, суровость ситуации оказывалась только на руку, однако, с другой стороны, ужесточившийся полицейский контроль, «завинчивание гаек» и комендантский час, сокращающий полезное съемочное время, представляли нешуточную опасность. Тем не менее, тщательно все взвесив, подпольщики решили не отступать от изначального замысла. Поэтому мы развернули паруса и, поймав попутный ветер, в назначенный срок пошли на приступ.

Ослиный хвост для Пиночета

Первым серьезным испытанием оказались проводы в мадридском аэропорту. Я уже больше месяца не виделся с Эли и нашими детьми — Поччи, Мигелито и Каталиной. Весточек от них я тоже не получал и по замыслу ответственных за мою безопасность должен был хранить в тайне дату отлета, чтобы избежать тягот прощания. Более того, в начале подготовки возникала идея ради всеобщего спокойствия оставить моих род-

ных в полном неведении, но вскоре мы поняли, насколько это абсурдно. Напротив, кто мог обеспечить тыл надежнее Эли? Кому как не ей, свободно перемещавшейся между Парижем, Мадридом, Римом и даже Буэнос-Айресом, удобнее всего поручить переправку отснятого материала, который я буду передавать из Чили небольшими партиями? Изыскание дополнительных средств при необходимости тоже возлагалось на нее. На том и порешили.

Моя дочь Каталина еще на раннем этапе подготовки заметила, что у меня в спальне скапливается новая одежда, совершенно не подходящая ни к моему привычному стилю, ни к образу жизни, поэтому, чтобы развеять ее тревоги и удовлетворить любопытство, мне не оставалось ничего другого, как собрать всю семью и посвятить в свои планы. Родные откликнулись с готовностью и радостью, как будто попали вдруг в остросюжетный фильм, сочинением которых мы время от времени развлекались. Но когда я предстал перед ними в аэропорту степенным уругвайцем, мы все вдруг осознали, что это никакой не фильм, а драматическая реальность, серьезное и опасное дело, в котором мы участвуем сообща. Однако никто не спасовал.

— Главное, — напутствовали они, — приделай Пиночету ослиный хвост подлиннее.

Имелась в виду известная игра, где водящий с завязанными глазами прищипливает хвост нарисованному ослу.

— Обещаю, — сказал я, прикидывая длину пленки, которую собирался отснять. Неплохой хвост — около семи тысяч метров.

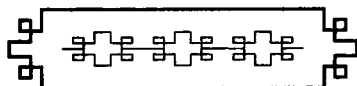
Спустя неделю мы с Еленой приземлились в Сантьяго-де-Чили, проскакав хаотичным галопом через семь европейских городов — чтобы я успел постепенно привыкнуть к своей новой личности, удостоверенной не вызывающим подозрений паспортом. Паспорт был подлинный, уругвайский, отданный нам политически сознательным добровольцем, узнавшим, что нужны документы для въезда в Чили. Мы заменили в нем только фотографию, вклеив мой снимок, уже в перевоплощенном виде. На вещах появились соответствующие фальшивые инициалы — монограммы на сорочках, вензель на кожаном портфеле, на визитках и бумаге для писем. Поддельную подпись я научился, после многочасовых упражнений, выводить довольно лихо. Только одно мы не успели сделать — оформить кредитные карточки, что грозило осложнениями, поскольку для такого серьезного бизнесмена, которого я изображал, расплачиваться за авиабилеты долларами в наличных выглядело странно.

Несмотря на несовместимость, которая в настоящей жизни через два дня привела бы нас

к разводу, мы с Еленой успешно изображали супругов, которым не страшны никакие семейные бури. Мы вызубрили вымышленные биографии друг друга от и до, включая вымышленное прошлое, вымышленные буржуазные вкусы и предпочтения и, думаю, выдержали бы любой допрос с пристрастием. Легенду мы тоже состряпали на славу, прикинувшись владельцами парижского рекламного агентства, снимающими ролик для новых духов, которые должны появиться на европейском рынке будущей осенью. А где еще снимать ролик, как не в Чили — одной из немногих стран, где в любое время года можно отыскать все четыре сезона, от знойных пляжей до вечных снегов? Елена с завидной непринужденностью облачилась в дорогие европейские наряды, будто не она предстала передо мной в Париже с распущенными волосами, в клетчатой юбке и школьных мокасинах. Я тоже чувствовал себя в начальственной шкуре вполне комфортно — пока не увидел свое отражение в витрине мадридского аэропорта. Темный костюм-двойка, жесткий воротничок, галстук — настоящая акула бизнеса, с души воротит. «Какой ужас! — подумал я. — Будь я не я, я был бы вот таким...» От меня прежнего остался лишь потрепанный томик «Потерянных следов» — великого романа Алехо Карпентьера, который я, не изменяя пятнадцатилетней при-

вычке, положил в чемодан как лекарство от избыточного страха перед полетами. Кроме того, мне предстояло не один раз пройти таможенный контроль в разных аэропортах мира, учась без опаски предъявлять чужой паспорт.

Боевое крещение состоялось в Женеве и, хотя все прошло без сучка без задоринки, я не забуду эту проверку до конца дней своих. Пограничник внимательно перелистал страницы, потом поднял глаза, сверяя мое лицо с фотографией. Я стоял ни жив ни мертв, хотя во всем паспорте только этот снимок и соответствовал действительности. Однако проверка боем помогла: с тех пор я больше не испытывал ни такой тошноты, ни бешеного сердцебиения до того самого момента, как в аэропорту Сантьяго-де-Чили распахнулась в гробовой тишине дверь самолета и я снова, спустя двенадцать лет, вдохнул ледяной воздух андских вершин. На фасаде здания голубел огромный транспарант: «В Чили мир и порядок». Я посмотрел, сколько времени. До комендантского часа оставалось шестьдесят минут.

2. Обманчивый блеск столичных огней

Пограничник открыл мой паспорт. Я не сомневался, что, подняв взгляд на меня, он моментально заподозрит подмену. Из трех пограничников в штатском я выбрал самого молодого и, как мне показалось, самого торопливого. Елена встала в соседнюю очередь — мы по-прежнему изображали незнакомцев, чтобы в случае проблем у одного другой мог поднять тревогу. Однако предосторожность оказалась излишней, погранконтролеры спешили не меньше пассажиров, опасавшихся попасть под комендантский час, и документы смотрели краем глаза. «Мой» даже не удосужился проверить визы, зная, что соседям-уругвайцам они не требуются. Проштамповав первый чистый лист, он вернул мне паспорт и посмотрел в глаза. От это-

го пристального взгляда у меня похолодело внутри.

— Спасибо, — как можно тверже сказал я.

Он ослепительно улыбнулся в ответ:

— Добро пожаловать!

Багаж прибыл в немислимо короткий для аэропорта срок, поскольку таможенники тоже рассчитывали попасть домой до комендантского часа. Я подхватил свой чемодан. Потом взял чемодан Елены (мы договорились, что весь багаж забираю я и выхожу первым, чтобы выиграть время) и потащил оба в зону таможенного контроля. Таможенник, суетившийся из-за надвигающегося комендантского часа, вместо того чтобы досматривать багаж, подгонял пассажиров к выходу. Когда я уже собирался водрузить свои чемоданы на платформу, таможенник вдруг спросил:

— Вы один?

Я ответил, что да. Он скользнул взглядом по обоим чемоданам и разрешил проходить. Но тут появилась начальница, которую я прежде не заметил — классическая церберша, суровая мужеподобная блондинка в форме, — и скомандовала на ходу: «Этого проверьте!» Только тут я задумался, как буду объяснять, зачем мне целый чемодан женской одежды. Ведь если из всех спешащих пассажиров церберша выбрала именно

меня, то явно не из-за багажа, а по какой-то другой, более серьезной и опасной причине. Пока таможенник меня обыскивал, начальница попросила мой паспорт и начала пристально изучать. Вспомнив про леденец, который мне выдали перед взлетом, я сунул его в рот, понимая, что сейчас последуют вопросы, и я вряд ли смогу скрыть свою принадлежность к чилийской нации под нетвердым уругвайским акцентом. Первым начал таможенник:

— Долго собираетесь у нас пробывать?

— Порядочно.

Я и сам едва разобрал свое невнятное бормотание, но таможенника это не смутило, и он попросил открыть второй чемодан. Замок был заперт на ключ. Растерявшись, я поискал отчаянным взглядом Елену. Она невозмутимо выставляла очередь на паспортный контроль, не догадываясь о разворачивающейся в двух шагах драме. Вот тогда я впервые осознал, что без ее помощи не справлюсь — не только там, в аэропорту, но и в дальнейших делах. Я уже собирался наплевать на последствия и признаться, что чемодан чужой, но тут начальница вернула мне паспорт и перешла к досмотру следующего пассажира. Я снова глянул туда, где стояла Елена, но в очереди ее уже не нашел.

Где она пропадала, так и осталось для нас загадкой. Елена словно в невидимку преврати-

лась. Потом она говорила, что тоже видела меня из очереди, видела, как я тащу чемодан, предчувствовала осложнения, но стойко продержалась до моего выхода из таможенной зоны.

Вслед за носильщиком с тележкой, принявшим мой багаж, я пересек почти безлюдный вестибюль, и только снаружи ощутил наконец, что вернулся. Пока ни предполагаемой милитаризации, ни признаков упадка нигде не наблюдалось. Конечно, это был не тот огромный и мрачный аэропорт Лос-Серильос, где двенадцать лет назад, под октябрьским дождем, от которого делалось еще тоскливее на душе, началось мое изгнание, а современный Пудауэль, где до военного переворота мне удалось побывать лишь однажды и то наскоком. Однако мое субъективное восприятие тут точно было ни при чем. Военная диктатура, чье присутствие, особенно при осадном положении, я ожидал почувствовать сразу, никак не давала о себе знать. Аэропорт сиял чистотой, указатели пестрели разноцветными красками, большие магазины предлагали импортные товары на любой вкус, и нигде не было видно ни одного блюстителя порядка, который мог бы подсказать дорогу заблудившемуся путешественнику. Снаружи выстроились такси — не какие-нибудь развалюхи, а последние японские модели.

Однако в тот момент было не до скоропалительных выводов, поскольку Елена все не появлялась и я уже погрузил чемоданы в такси, а стрелки на циферблате с головокружительной скоростью бежали к комендантскому часу. Предстояло решить еще одну дилемму. По нашей договоренности, если кто-то один отстанет, второму следовало уезжать и связываться с доверенными лицами по оставленным на такой случай телефонам. Тем не менее взять и уехать не дождавшись я не решался — кроме того, мы не условились насчет отеля. В иммиграционный формуляр я вписал «Конкистадор», поскольку именно туда обычно отправляются бизнесмены, а значит, он больше соответствовал нашему прикрытию. Кроме того, я знал, что там поселилась итальянская съемочная группа, но Елена-то, вероятнее всего, о моих соображениях не подозревала.

Трясаясь от холода и беспокойства, я уже готов был отчаяться, когда увидел спешащую ко мне Елену, за которой по пятам следовал кто-то в штатском, размахивая темным дождевиком. Я застыл столбом, готовясь к худшему, но тип в штатском, наконец догнав Елену, вручил ей забытый на таможенной стойке плащ. Задержалась она по другой причине: церберше показалось подозрительным, что Елена летит совсем без багажа, и она устроила скрупулезную проверку каждой ме-

лочи в ручной клади — от удостоверения личности до косметички. Однако они и вообразить не могли, что крошечный японский радиоприемник — это на самом деле еще и оружие, поскольку с его помощью на особой частоте мы держали связь с силами сопротивления. Я перенервничал сильнее Елены, считая, что прождал ее больше получаса, но в такси она меня разубедила (никакие не полчаса, всего шесть минут). Шофер, в свою очередь, развеял еще одно опасение: до комендантского часа оставалось не двадцать минут, а целых восемьдесят. Я забыл перевести часы после Рио-де-Жанейро, и в Сантьяго было только без двадцати одиннадцать. Стояла темная и холодная ночь.

И ради этого я прилетел?

По мере приближения к городу ожидаемая радость со слезами на глазах сменялась растерянностью. Сами посудите: к старому аэропорту Лос-Серильос вела раздолбанная дорога, проходившая через промышленные районы и трущобы, жестоко пострадавшие во время военного переворота. Теперь же мы ехали из международного аэровокзала по гладкому, ярко освещенному шоссе, будто в какой-нибудь процветающей

стране, и это меня сильно смущало, ведь я ожидал увидеть пагубные последствия диктатуры воочию — на улицах, в повседневной жизни людей, чтобы снять на пленку и показать остальному миру. Однако вместо ожидаемого ужаса я испытывал растущее разочарование. Елена позже сказала, что и она, несмотря на свои недавние визиты в Чили, тоже несколько растерялась.

Неудивительно. Вопреки тому, что рассказывали в изгнании, перед нами предстал цветущий город с пышными памятниками и сияющими чистотой улицами. Ущемления свободы не больше, чем в Париже или Нью-Йорке. Проспект Бернардо О'Хиггинса простирался бесконечной гирляндой огней от исторического Центрального вокзала, спроектированного Густавом Эйфелем — тем самым, построившим парижскую башню. Даже «ночные бабочки» на панели казались веселее и бодрее, чем прежде. Внезапно чуть в глубине от проспекта возник, словно призрак, дворец Ла-Монеда. Последний раз я видел его полуразрушенным и покрытым копотью, а теперь, восстановленный и снова действующий, он походил на сказочный особняк, окруженный французским парком.

За окном проплывали главные достопримечательности города: «Юнион-клуб», где собирались главные шишки страны подергать за поли-

тические ниточки; темные окна университета, церковь Святого Франциска, величественный дворец Национальной библиотеки, универмаг «Париж». Елена, сидящая рядом со мной, занималась более насущными вопросами, убеждая шофера отвезти нас в отель «Конкистадор», а не в тот, на котором настаивал он (явно имея там свой процент). Убеждала она мягко и осторожно, стараясь не вызвать подозрений таксиста, которые в Сантьяго зачастую состояли в осведомителях у спецслужб. Я не вмешивался, еще не оправившись от смятения.

Ближе к центру города я уже бросил любоваться красотами, за которыми военная хунта прятала кровь и страдания сорока с лишним тысяч погибших, двух тысяч пропавших без вести и миллиона высланных из страны. Я переключился на людей. Они шагали непривычно быстро, подгоняемые, видимо, приближающимся комендантским часом. Но меня поразило не только это. Лица, терзаемые ледяным ветром. Никто не разговаривал, никто ни на кого не смотрел, не жестикулировал, не улыбался, ни малейшим жестом не выдавая, что лежит на сердце, под темными пальто, как будто все они тоже оказались в одиночку в незнакомом городе. Бесстрастные лица не выражали ничего. В том числе и страха. Вот тогда я почувствовал, как меняется мое на-

строение, — мне даже захотелось выскочить из такси и смешаться с толпой. Елена комментировала и разъясняла, хотя и не так активно, как хотелось бы, поскольку опасалась, что услышит таксист. Повинуясь непреодолимому порыву, я попросил водителя остановиться и вышел, хлопнув дверью. Я прошагал не больше двухсот метров, забыв на время о приближающемся комендантском часе, но и первых ста шагов мне хватило, чтобы начать заново обретать свой город. Я прошел по улице Эстадо, по улице Уэрфанос, по всему пешеходному кварталу, куда запрещен въезд автотранспорта, как на улице Флорида в Буэнос-Айресе, на виа Кондотти в Риме, на площади Бобур в Париже и в Розовом квартале Мехико. Еще одно славное детище диктатуры. Однако все эти уютные скамеечки, веселые фонарики, ухоженные клумбы не могли замаскировать действительность. Немногочисленные любители побеседовать общались в уголке вполголоса (как известно, при тирании и у стен есть уши), уличные торговцы предлагали разные безделушки, мальчишки приставали к прохожим, выклянчивая мелочь. Но больше всего меня поразили проповедники-евангелисты, продававшие формулу вечного блаженства всем, кто готов был развесить уши.

Завернув за угол, я неожиданно столкнулся нос к носу с первым за все это время карабине-

ром. Он неторопливо прохаживался туда-сюда по тротуару, а на углу улицы Уэрфанос в полицейской будке сидело еще несколько. Под ложечкой засосало, ноги стали ватными... Бесила сама мысль о том, что подобное потрясение ждет меня при виде каждого жандарма. Но вскоре я понял, что и полицейские тоже не знают ни минуты покоя, воспаленными глазами выглядывая нелегалов. Осознав, что они трясутся еще больше меня, я успокоился. Тряслись они не зря. Через несколько дней после моего отъезда из Чили эту будку взорвали бойцы сопротивления.

В самом сердце ностальгии

Вот они, ключи к прошлому. Передо мной высилось здание старой телестудии и отдела аудио-видео-программ, где начиналась моя кинокарьера. А вот театральное училище, куда я семнадцатилетним приехал из своей деревни поступать, сдавать экзамен, который определил мою дальнейшую жизнь. Здесь мы организовывали съезды «Народного единства», здесь же прошли мои самые тернистые годы, годы становления. Вот кинотеатр «Сити», где я впервые увидел когда-то шедевры, которые потрясают меня до сих пор, и среди них самый незабываемый — «Хи-

росима, любовь моя». Я вдруг услышал, как кто-то из прохожих напевает знаменитую песню Пабло Миланеса: «И вновь пройду по обгаренным кровью мостовым Сантьяго».

Я едва смог сдержать комок в горле. Потрясенный до глубины души, я забыл о времени, о легенде, об инкогнито, на миг став самим собой и никем больше, вновь обретая свой город. Я подавил безумное желание рассекретиться, прокричать во всю глотку свое имя и встретиться лицом к лицу с тем, кто занял мой дом.

В слезах я вернулся в отель, в считанные минуты до комендантского часа, и портье пришлось отпирать для меня запертую дверь. Елена уже зарегистрировала нас обоих и сидела в номере, вытаскивая антенну портативного радиоприемника. Она выглядела спокойной, но когда я вошел, отчитала меня, как самая настоящая жена. У нее не укладывалось в голове, как я мог проявить такое безрассудство и отправиться в одиночку гулять по городу перед самым комендантским часом. Но мне было не до проповедей, поэтому я тоже повел себя как настоящий муж. Хлопнул дверью и пошел искать по отелю итальянскую съемочную группу.

Я постучал в номер триста шесть, двумя этажами ниже нашего, проговаривая про себя длинный пароль и отзыв, который мы два месяца

назад учили в Риме с режиссером съемочной группы. Мне ответил полусонный голос — голос темпераментной обычно Грации, который я и так узнал, безо всяких паролей.

— Кто там?

— Гавриил.

— С кем?

— С архангелами.

— Святым Георгием и святым Михаилом?

Голос за дверью звенел все напряженнее. Странно, ведь Грация тоже должна была узнать меня, после всех наших долгих бесед в Италии, однако она продолжила шпарить по заученному, даже когда я подтвердил, что архангелов действительно зовут святой Георгий и святой Михаил.

— Сарко, — назвала она фамилию героя фильма, который я так и не снял в Сан-Себастьяне («Путешествие через четыре времени года»), и я в ответ произнес имя:

— Николас.

Но Грацию, закаленную в непростых заданиях журналистку, и это не убедило.

— Сколько футов пленки? — допытывалась она.

Я понял, что придется договаривать бесконечный пароль-отзыв, но опасался, что в соседних номерах могут обнаружиться любопытные уши.

— Кончай валять дурака и открывай уже, — велел я.

Однако она проявила непреклонность (которую в дальнейшем мы будем наблюдать на каждом шагу) и не пустила меня, пока не услышала последнее слово отзыва.

«Черт с вами, — обругал я про себя, похоже, не только ее и Елену, но и Эли. — Все женщины одинаковы».

С ненавистной мне покорностью супруга-подкаблучника я принялся отвечать на остальные вопросы. На последней строчке дверь открылась. Юная и очаровательная Грация, которую я знал по Италии, посмотрела на меня так, будто увидела призрак, и в ужасе попыталась захлопнуть дверь обратно. Позже она объяснила: «Смотрю на тебя и понимаю, что знакомое вроде лицо, а откуда знакомое — загадка». Еще бы. В Италии ей представили бородатого увальня Литтина, одетого как попало, и без очков, а теперь на пороге стоял некто лысый, близорукий, гладко выбритый и в банкирском дорогом костюме.

— Открывай, не бойся, — сказал я. — Это Мигель.

Даже окинув меня пристальным взглядом и впустив в номер, Грация продолжала настороженно коситься. Она включила радио на полную

громкость, чтобы нашу беседу не подслушали из соседних номеров или через «жучки», однако в целом более или менее успокоилась. Вместе с тремя сотрудниками съемочной группы она прибыла неделей раньше меня, и благодаря доброму итальянскому посольству, не подозревающему об истинной цели наших съемок, они уже получили аккредитацию и разрешение на работу. Более того, несколько дней назад им посчастливилось снять правительственную верхушку на гала-спектакле «Мадам Баттерфляй», устроенном итальянским посольством в Муниципальном театре. В числе приглашенных был и генерал Пиночет, но он в последний момент отказался. Тем не менее присутствие итальянской съемочной группы на этом вечере сыграло нам на руку, поскольку таким образом группа официально декларировала свое прибытие в Сантьяго, чтобы впоследствии ее появление на улицах ни у кого не вызывало подозрений. Кроме того, поскольку нам пока не выдали разрешения на съемку во дворце Ла-Монеда, присутствие итальянцев на вечере послужило бы для чиновников дополнительным свидетельством благонадежности.

Это известие меня так воодушевило, что я готов был хоть сейчас окунуться в работу. Если бы не комендантский час, я бы попросил Грацию разбудить остальных участников группы, и

мы отправились бы снимать на камеру первую ночь моего возвращения на родину. Мы так и планировали с самого начала — приступить сразу после прилета, сходясь, однако, во мнении, что остальная группа должна остаться в неведении и относительно съемочной программы и относительно того, кто на самом деле руководит процессом. Грация, в свою очередь, не подозревала, что над тем же фильмом работают еще две группы.

Нашу долгую беседу под граппу — итальянскую обжигающую водку, которую Грация всегда возила с собой почти как талисман, — прервал телефонный звонок. Мы одновременно вскочили, Грация схватила трубку, послушала секунду и тут же повесила. Звонил портье, просил убавить громкость, потому что постояльцы из соседних номеров жалуются.

Жуткая незабываемая тишина

Для одного дня эмоций оказалось чересчур много. Когда я вернулся к себе в номер, Елена уже мирно спала, оставив включенным ночник на моей тумбочке. Я бесшумно разделся, собираясь тоже как следует выспаться, но это оказалось невозможно. Стоило улечься в постель, как

на меня навалилась жуткая тишина комендантского часа. Я не представлял, что где-то в мире может царить такое безмолвие. Оно давило на грудь все сильнее и сильнее и никак не заканчивалось. Огромный затемненный город не издавал ни единого звука. Ни журчания воды в трубах, ни дыхания Елены, ни даже моего собственного.

В тревоге я встал и высунулся в окно, пытаюсь вдохнуть вольный воздух улицы, посмотреть на опустевший, но живой город. Никогда я не видел его таким безлюдным и печальным, сколько помню себя с тех пор, как впервые приехал сюда неоперившимся юнцом. Номер наш был на пятом этаже, окно выходило на тупиковый проулок с высокими закопченными стенами, над которыми сквозь пепельную дымку виднелся лишь клочок неба. Я не чувствовал себя дома, не верил, что все это наяву, — я ощущал себя преступником из какого-нибудь старого черно-белого фильма Марселя Карне.

Двенадцать лет назад, в семь часов утра, командующий патрулем сержант выпустил поверх моей головы автоматную очередь и велел встать в строй арестованных, которых он вел в здание Чилийской киностудии, где я работал. По всему городу гремели взрывы, тархтели автоматные очереди, проносились на бреющем полете воен-

ные самолеты. Арестовавший меня сержант, сам ничего не понимая, спросил меня, что происходит, и заверил: «Мы держим нейтралитет». За чем он мне это сказал и кого именно подразумевал под «нами», я не знал. Когда мы остались одни, сержант спросил:

— Это вы сняли «Шакала из Науэльторо»?

Я ответил, что да, и он, словно забыв обо всем — о выстрелах, о взрывах, о зажигалках, сыплющихся на президентский дворец, — попросил меня объяснить, как так получается, что в кино умирают понарошку, а кровь из ран течет настоящая. Я объяснил, и он пришел в настоящий восторг. Однако тут же опомнился.

— Не оглядываться, — приказал он нам. — Иначе голову оторву!

Мы бы не приняли его всерьез, если бы не увидели несколькими минутами раньше первых убитых на улицах; раненого, истекающего кровью на тротуаре без надежды на помощь; штатских, забивающих палками сторонников президента Сальвадора Альенде. Мы видели поставленных к стенке заключенных и взвод солдат, разыгрывающих расстрел. Но те, что нас конвоировали, сами спрашивали, что происходит, и повторяли: «Мы держим нейтралитет». Сумятица и неразбериха сводили с ума. Здание Чилийской киностудии было окружено, перед главным

входом стояли нацеленные на двери пулеметы. Навстречу нам вышел вахтер в черном берете с эмблемой Социалистической партии.

— Вот! — закричал он, показывая на меня. — Это все из-за него, из-за сеньора Литтина, он здесь за все в ответе.

Сержант толкнул его с такой силой, что тот полетел на землю.

— Вали к чертям собачьим! — выругался сержант. — Не будь соплей!

Вахтер в ужасе поднялся на четвереньки и спросил у меня:

— Кофейку не хотите, сеньор Литтин? Кофейку?

Сержант попросил, чтобы я выяснил по телефону, что происходит. Я попытался, но ни с кем связаться не удалось. То и дело входил какой-нибудь офицер с приказом, а потом другой, с прямо противоположным: то курите, то не курите, то садитесь, то встаньте. Через полчаса явился молодой солдатик и указал на меня винтовкой.

— Сержант, там какая-то блондинка спрашивает этого человека.

Наверняка Эли, кто же еще. Сержант вышел поговорить. Пока его не было, солдаты успели нам рассказать, что их подняли спозаранку, позавтракать не дали, ничего ни у кого брать не разрешили, они замерзли и проголодались. Един-

ственное, чем мы им могли помочь, — поделиться сигаретами.

За этим занятием нас и застал сержант, вернувшийся с лейтенантом, который принялся отбирать арестованных, чтобы увести на стадион*. Когда очередь дошла до меня, сержант перебил, не дав мне раскрыть рот:

— Нет, мой лейтенант, этот сеньор тут ни при чем, он пришел пожаловаться на соседей, которые раздолбали дубинками его автомобиль.

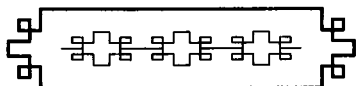
Лейтенант устался на меня в замешательстве.

— Каким надо быть остолопом, чтобы в такой момент соваться с жалобами? Убирайтесь!

Я пустился бежать, не сомневаясь, что сейчас меня остановят выстрелом в спину под предлогом пресечения попытки к бегству. Но этого не произошло. Эли, которой, как оказалось, какой-то знакомый сообщил, что меня расстреляли перед входом на киностудию, пришла забрать тело. В окнах некоторых домов вывешивали знамена — условный знак, по которому военные должны были узнавать своих. Однако нас уже сдала соседка, осведомленная о наших связях в прави-

* Национальный стадион и стадион «Чили» в Сантьяго были превращены в концлагеря, где в первые месяцы после переворота было замучено, казнено и подвергнуто пыткам не менее сорока тысяч человек.

тельстве, о моем активном участии в президентской кампании Альенде, о собраниях, проводившихся в нашем доме, когда дело неотвратимо шло к перевороту. Поэтому домой мы не вернулись и целый месяц скитались по чужим квартирам с тремя детьми и минимумом необходимых вещей, спасаясь от смерти, которая следовала за нами по пятам, пока не выдавила на чужбину.

3. Оставшиеся тоже стали изгнанниками

В восемь утра я попросил Елену позвонить по лишь мне одному известному номеру и позвать человека, который дальше будет фигурировать под вымышленным именем — Франки. К телефону подошел он сам, и Елена, не вдаваясь в долгие объяснения, передала просьбу Габриэля прийти в пятьсот первый номер гостиницы «Конкистадор». Он прибыл через полчаса. Елена уже готова была к выходу, а я по-прежнему лежал в кровати и, услышав стук в дверь, накрылся одеялом с головой. На самом деле Франки понятия не имел, кого увидит, знал лишь, что любой вышедший с ним на связь Габриэль будет от меня. За последние дни ему уже позвонили три «Габриэля» (в том числе Грация), руководящие съемочными группами, и он даже не догадывал-

ся, что в качестве четвертого Габриэля перед ним предстану я сам.

Мы с ним были давними друзьями по «Народному единству», работали вместе над моими первыми фильмами, встречались на разных кинофестивалях и последний раз виделись год назад в Мексике. Но когда я высунул голову из-под одеяла, он меня все равно не узнал, пока я не засмеялся своим исключительным смехом. Вот тогда я окончательно поверил, что смена внешности удалась.

Франки я привлек к делу в конце прошлого года. Ему предстояло получить и по отдельности передать предварительные указания съемочным группам, а также подготовить почву для работы, не вторгаясь при этом в сферу деятельности Елены. С документами у него все было в полном порядке: имея чилийское гражданство, он добровольно уехал в Каракас после военного переворота, не попав ни в какие «черные списки», поэтому мог беспрепятственно участвовать в разных операциях в Чили. Благодаря своей известности и связям в кинематографических кругах, а также личному обаянию, изобретательности и отваге он как нельзя лучше подходил для нашего дела. И я не ошибся в выборе. Как мы и договаривались, он приехал в Чили из Перу неделей раньше, чтобы встретиться и скоординировать три

независимые друг от друга съемочные группы, и они уже приступили к работе. Французская группа будет передвигаться по северу страны, от Арики до Вальпараисо, снимая в соответствии с подробным планом, который мы с режиссером согласовали месяц назад в Париже. Голландской группе предстоит охватить южные районы. Итальянцы же останутся в Сантьяго и будут работать под моим непосредственным руководством, готовясь, если понадобится, заснять любой неожиданно подвернувшийся сюжет. Всем трем группам было поручено как можно больше (стараясь при этом не вызывать лишних подозрений) расспрашивать народ о Сальвадоре Альенде, поскольку мы полагали, что через отношение к погибшему президенту любому чилийцу будет проще выразить свои мысли насчет настоящего и будущего страны.

Франки располагал точными маршрутами всех групп с перечнем гостиниц, где они будут останавливаться, чтобы связаться с ними в любой момент. Таким образом я получал возможность лично отдавать телефонные распоряжения. Кроме того, Франки стал моим личным водителем и возил меня на взятой напрокат машине, которую мы меняли раз в три-четыре дня в разных прокатных конторах. На эти полтора месяца мы с ним стали практически неразлучны.

Трое обезглавленных свергают генерала

В девять утра мы приступили к работе. Пласаде-Армас*, находившаяся в нескольких кварталах от гостиницы, в реальности потрясала куда больше, чем в моих воспоминаниях. Она раскинулась под неярким осенним солнцем, струившим свой свет через кроны высоких деревьев. Цветы, обновлявшиеся на клумбах еженедельно, показались мне свежее и красочнее обычного. Итальянская группа работала на площади уже час, снимая утренний город — пенсионеров, читающих газеты на деревянных скамейках; старичков, сыплющих крошки голубям; барахольщиков с разными безделушками; фотографов со старинными аппаратами под черным покрывалом; уличных художников, рисующих моментальные шаржи; чистильщиков обуви, подозрительно смахивающих на осведомителей спецслужб; детей с разноцветными воздушными шарами у тележек с мороженым; прихожан у дверей собора. На углу площади кучковались, дожидаясь найма на какое-нибудь представление, безработные артисты — музыканты, фокусники и клоуны, а еще ряженые, так плотно загримиро-

* Оружейная площадь.

ванные и экстравагантно одетые, что невозможно было угадать, какого они пола. В отличие от вчерашнего вечера сейчас, этим прекрасным утром, на площади повсюду виднелись патрули из бдительных и хорошо вооруженных карабинеров, а из их автобусов с мощными стереосистемами гремела на полную громкость популярная музыка.

Как выяснилось впоследствии, полиция на улицах есть, просто она скрыта от посторонних глаз. На основных станциях метро круглосуточно дежурят тайные штурмовые отряды, а на боковых улицах стоят грузовики с водометами для жестокого подавления любых ежедневно вспыхивающих стихийных бунтов. Строже всего дозор на Пласа-де-Армас, в «солнечном сплетении» Сантьяго, где расположен Викариат солидарности — мощный оплот сопротивления диктатуре, основанный кардиналом Сильвой Энрикесом и поддерживаемый не только католиками, но и всеми борцами за возвращение демократии в Чили. Это придает организации несокрушимую моральную силу, и широкая залитая солнцем площадка перед зданием в любой день и час напоминает оживленную рыночную площадь. Там обретают приют и поддержку гонимые всех цветов кожи, это оперативный способ оказать помощь тем, кто в ней нуждается, зная, что она гарантированно дойдет

по адресу, особенно если речь идет о политзаключенных и их семьях. Кроме того, там предаются огласке случаи пыток, организуются кампании по розыску бесследно исчезнувших и по борьбе с любого рода несправедливостью.

За несколько месяцев до моего нелегального приезда диктаторское правительство устроило покушение на викариат, которое обернулось в итоге против самой хунты и сильно ее встряхнуло. В конце февраля 1985 года были похищены трое активистов оппозиции, причем характер похищения напрямую указывал на его организаторов.

Социолога Хосе Мануэля Параду, служащего викариата, взяли на глазах его малолетних детей, прямо перед их школой, при этом полиция перекрыла движение на три квартала вокруг и весь район патрулировался военными вертолетами. Двух других похитили в разных районах города с разницей в несколько часов. Одним был Мануэль Герреро, руководитель Профсоюзного объединения работников образования Чили, а вторым — Сантьяго Наттино, уважаемый, но малоизвестный до активного участия в сопротивлении художник-график. Второго марта 1985 года три обезглавленных тела со следами истязаний были обнаружены на безлюдной дороге вблизи международного аэропорта Сантьяго. Генерал Сесар

Мендоса Дюран, командующий корпусом карabinеров и член хунты, в своем заявлении для прессы сообщил, что тройное убийство — это результат внутренних чисток среди коммунистов, получающих указания из Москвы. Однако обман раскрылся, и генералу Мендосе Дюрану, которого общественное мнение обвинило в организации этого убийства, пришлось выйти из правительства. После этого одна из четырех улиц, расходящихся с Пласа-де-Армас, незаметно сменила свое старое название (улица Пуэнте) на новое — улица Хосе Мануэля Парады. Его она носит по сей день.

«Повезло вам, уругвайцам»

В воздухе еще витала горечь недавней трагедии, когда мы с Франки, изображая двух обычных прохожих, прибыли поутру на Пласа-де-Армас. Грация уже собрала съёмочную группу в оговоренном накануне месте и, насколько я мог судить, тоже заметила наше с Франки приближение. Но командовать «Мотор!» я не спешил. Только когда Франки удалился, я принял руководство съёмочным процессом по заранее наметенной с режиссерами всех трех групп схеме. Первым делом я прошелся по мощеным дорож-

кам, останавливаясь в разных точках и тем самым показывая Грации, на чем сосредоточиться, когда я пойду по этому же маршруту снова. Ни она, ни я не должны были до поры до времени искать на улицах скрытые приметы тоталитарного режима. В то утро речь шла лишь о том, чтобы запечатлеть атмосферу обычного дня, делая особый упор на поведение прохожих, которые по-прежнему, как и накануне, казались мне куда менее общительными, чем раньше. Они двигались быстрее, не интересуясь даже тем, что происходит у них за спиной, а те, кто все же общался, разговаривали украдкой, почти не жестикулируя, вопреки привычной чилийской манере, сохранившейся у моих соотечественников в изгнании. Я прохаживался между группками со спрятанным в кармане рубашки крошечным, но очень чувствительным диктофоном, намереваясь записать разговоры, которые помогут мне лучше распланировать не только наш самый первый съемочный день, но и весь фильм в целом.

Обозначив точки съемки, я присел записать кое-что для себя рядом с пожилой сеньорой, греющейся под осенним солнцем на зеленой скамейке, которую испещряли сердечки с инициалами, вырезанные не одним поколением влюбленных. Как обычно позабыв блокнот, я черкал на пачках «Житана», знаменитых французских

сигарет, которыми основательно запасся еще в Париже. Пустых исписанных пачек за полтора месяца съежков скопилось немало, и хотя сохранял я их не на этот случай, заметки впоследствии послужили мне дневником, по которому я восстанавливал для этой книги подробности своей одиссеи.

Пока я занимался писаниной, сеньора по-сматривала на меня украдкой. Она была уже в преклонных летах, одетая старомодно, во вкусе бедных слоев среднего класса — заношенная шляпка, пальто с меховым воротником. Она сидела одна, глядя в пространство, не обращая внимания на голубей, то порхающих у нас над головами, то поклевывающих носки туфель. Как выяснилось потом, когда мы с ней разговорились, она замерзла во время церковной службы и присела на несколько минут погреться на солнце, прежде чем спускаться в метро. Делая вид, что читаю газету, я поймал на себе соседки любопытный взгляд, вызванный скорее всего моим деловым костюмом, совершенно не похожим на одежду остальных утренних прохожих. Я улыбнулся ей, и она спросила, откуда я приехал. Тогда, незаметно нажав кнопку диктофона в кармане, я включил запись.

— Из Уругвая.

— Вот как. Повезло вам, уругвайцам.

Сеньора имела в виду восстановление выборной системы в Уругвае, с явной тоской вспоминая о прошлом собственной страны. Я притворился непонимающим, надеясь, что она разъяснит поподробнее, однако она распространяться не стала. Хотя об отсутствии свободы личности и драматическом положении безработных в Чили рассказала без утайки. Она кивнула на скамейки, заполненные безработными, музыкантами, клоунами, ряжеными, которых становилось все больше и больше.

— Вот, посмотрите на них. Целыми днями здесь сидят в надежде на подачку, потому что работы нет. В стране голод.

Я внимательно слушал. Потом, спустя полчаса после первой прогулки, стал обходить площадь по второму разу, и Грация дала оператору команду снимать, не приближаясь ко мне и стараясь не вызывать ненужных подозрений у карабинеров. Однако трудность заключалась в прямо противоположном: это я никак не мог оторвать от них глаз, они меня словно гипнотизировали.

Хотя барахольщики в Чили существовали и раньше, я затруднялся припомнить, меньше их было или столько же. Трудно представить себе торговую площадку, где не выстраивались бы их длинные молчаливые ряды. Они торгуют всем и вся, они так многочисленны и разнородны, что

одним своим существованием выдают социальную трагедию. Рядом с безработным врачом, разорившимся инженером или надменной сеньорой, продающими по дешевке одежду, оставшуюся от лучших времен, пристраиваются беспризорники, сбывающие краденое, или обездоленные женщины, торгующие домашним хлебом. Разоряясь, большинство из них теряет все, кроме достоинства. Становясь за лоток, они продолжают одеваться так же, как одевались когда-то на службу. Один шофер такси (бывший преуспевающий торговец мануфактурой) объездил со мной полгорода, но денег за устроенную экскурсию в итоге так и не взял.

Пока оператор снимал общие виды площади, я прошелся в толпе, записывая обрывки разговоров для будущих комментариев к кадрам, но стараясь при этом не скомпрометировать прохожих, чьи лица можно будет узнать на экране. Грация внимательно следила за мной с другого угла, я, в свою очередь, не выпускал ее из виду. Согласно моим указаниям, она начала снимать с самых высоких зданий, чтобы потом, постепенно спускаясь все ниже и ниже, снять панораму и под конец крупным планом карабинеров. Мы хотели запечатлеть напряжение на их лицах, растущее по мере того, как площадь ближе к полудню заполнялась народом. Однако вскоре они замети-

ли, что камера направлена на них, почувствовали, что стали объектом наблюдения, и потребовали у Грации разрешения на уличную съемку. Она показала бумагу, жандарм отошел несолоно хлебавши, и я с облегчением продолжил свою прогулку по площади. Как выяснилось позже, карабинер просил Грацию не снимать их, но она отказала, сославшись на официальную бумагу, в которой подобных исключений не значилось, и на свой иностранный статус, запрещающий принимать указания от посторонних. Таким образом подтвердилось, что надежды, возлагавшиеся нами на особое положение европейских съемочных групп в Чили, вполне оправдываются.

Оставшиеся тоже стали изгнанниками

Мысли о карабинерах не давали мне покоя. Несколько раз я проходил рядом с ними, ища предлог для разговора. Потом, повинувшись непреодолимому порыву, я подошел к патрульным и начал расспрашивать их о колониальном здании муниципалитета, которое пострадало от случившегося в прошлом марте землетрясения и теперь восстанавливалось. Отвечая, патрульный не смотрел на меня, зато бдительно следил за

тем, что творится на площади. Его напарник вел себя так же, однако время от времени поглядывал на меня искоса с растущим раздражением, поскольку вопросы я задавал намеренно тупые. Наконец он грозно посмотрел на меня в упор и скомандовал:

— Проваливайте!

Однако наваждение уже развеялось, и меня понесло на волне залихватской удали. Вместо того чтобы повиноваться, я решил сделать карабинерам внушение о подобающей реакции на любопытство мирного иностранца. Однако я не подозревал, что мой фальшивый уругвайский акцент не выдержит такой серьезной проверки, пока жандарм, устав от моих разглагольствований, не потребовал удостоверение личности. Наверное, за всю нашу одиссею я не испытывал такого приступа паники, как тогда. Я лихорадочно перебирал варианты: тянуть время, сопротивляться и даже дать деру со всеми вытекающими. Мелькнула мысль о неизвестно где в тот момент находящейся Елене, но краем глаза я увидел, что оператор продолжает снимать, обеспечивая внешнему миру неопровержимое доказательство моего ареста. Кроме того, неподалеку прогуливался Франки, и, зная его как облупленного, я не сомневался, что он за мной приглядывает. Проще всего, разумеется, было предъявить паспорт, уже

прошедший проверку в разных аэропортах. Но я боялся обыска, потому что лишь в тот момент вспомнил об одном опаснейшем упущении. В том же портфеле, где лежал фальшивый паспорт, остался мой подлинный чилийский, который я по рассеянности забыл вынуть, и кредитная карточка с моей настоящей фамилией... Выбрав из двух зол меньшее, я все-таки предъявил паспорт. Карабинер, тоже не особенно уверенный в том, что от него требуется, взглянул на фотографию и, чуть смягчившись, вернул мне документ.

— Что вас интересует насчет этого здания? — спросил он.

Я выдохнул.

— Ничего. Просто дурака валяю.

Этот случай разом излечил меня от дрожи перед карабинерами. С тех пор я проходил мимо них не менее спокойно, чем легальные граждане (и даже нелегалы, которых здесь тоже много), вплоть до того, что пару раз обращался за помощью, которую мне охотно оказали. Например, благодаря их патрульной машине с мигалкой я успел на свой обратный рейс буквально за считанные минуты до того, как о моем появлении в Сантьяго пронюхали спецслужбы. Благоразумная Елена не могла взять в толк, как можно задирать жандармов, просто чтобы сбросить на-

пряжение, и наше с ней взаимопонимание, и без того трещавшее по швам, сильно пошатнулось.

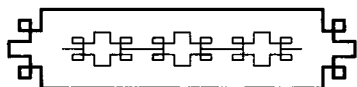
Хорошо еще, что я раскаялся в своем безрассудстве до того, как она или кто-то другой ткнули бы меня в него носом. Получив паспорт обратно из рук жандарма, я сделал Грации условный знак прекратить съемку. Ко мне поспешил Франки, наблюдавший за происходящим с противоположного угла площади и тоже сильно перенервничавший, но я попросил его встретиться в гостинице после обеда. Мне хотелось побыть одному.

Я сел на скамейку почитать сегодняшние газеты, но только скользил невидящим взглядом по строчкам, переполненный сознанием того, что сижу этим прозрачным осенним утром на этой площади. Я не мог сосредоточиться. Вскоре пушка пробила полдень, голуби в панике захлопали крыльями, а колокола в соборе начали вызванивать самую трогательную песню Виолетты Парра — «Спасибо жизни». Это оказалось выше моих сил. Я стал думать о Виолетте, о том, как она голодала, скиталась по Парижу без крыши над головой, о том, с каким достоинством она переносила все испытания, о том, что любая система всегда ее отвергала, не понимала ее песен и высмеивала за непокорность. Только после того, как умер под пулями великий президент, страна

утонула в крови и Виолетта покончила с собой, — только тогда Чили оценила наконец глубокие человеческие истины и красоту ее песен. Даже карабинеры слушали эту мелодию с явным удовольствием, не имея ни малейшего представления об исполнительнице, о ее мыслях, о том, почему она поет, вместо того чтобы плакать, ни о том, каким презрением она бы их окатила, окажись она здесь этой чудесной осенью.

Горя желанием восстановить прошлое по крупицам, я отправился, не взяв никого с собой, в одно кафе в высокой части города, где мы с Эли, бывало, обедали еще до женитьбы. То же место, те же столики на открытом воздухе под тополями среди цветочного буйства — но такое впечатление, что все вымерли. Ни души кругом. Кого-то я все-таки дозвался, однако заказанное блюдо — большой кусок жареного мяса — пришлось ждать битый час. Я уже доедал, когда в кафе зашла пара, которую я не видел с тех самых пор, как мы с Эли приходили сюда завсегдатаями. Его звали Эрнесто, или попросту Нето, а ее — Эльвира. В нескольких кварталах отсюда они держали мрачноватый магазинчик, где продавались гравюры и образы святых, четки, ковчезцы, похоронные украшения. Однако по владельцам этого никто бы не сказал, они были людьми легкими, общительными, с хорошим чувством

юмора, и по субботам в хорошую погоду мы часто засиживались здесь допоздна с вином и картами. Увидев, как они идут, держась за руки, я поразился не только тому, что они сохранили верность этому кафе после стольких перипетий, но и тому, как они постарели. В моей памяти они остались не обычной супружеской парой, а вечными молодоженами, полными задора и сил, — теперь же передо мной предстала оплывшая и поблекшая пожилая чета. В них, словно в зеркале, отразилась моя собственная старость. Узнай они меня, посмотрели бы с таким же оцепенением, однако я спрятался под шкурой богатого уругвайца. Они сели обедать за столик поблизости и разговаривали громко, однако без прежней живости, временами поглядывая на меня равнодушно и даже не подозревая, сколько счастливых часов мы провели за этим вот столом. Только тогда я осознал, как измучили и состарили нас годы изгнания. Нас всех, не только уехавших, как я полагал раньше, но и тех, кто остался.

4. Пять главных достопримечательностей Сантьяго

Мы снимали в Сантьяго еще пять дней — достаточный срок, чтобы проверить действенность нашей системы. Все это время я держал постоянную связь по телефону с французской группой на севере и голландской группой на юге. Очень помогли знакомства Елены, благодаря им мы постепенно выходили на связь как с подпольщиками, так и с легально действующими политическими фигурами.

Я, в свою очередь, смирился с отказом от себя. Для меня это была тяжелая жертва, учитывая сколько друзей и родных я хотел бы повидать, начиная с моих собственных родителей, и сколько моментов юности я хотел бы воскресить. Но встречи с ними оставались под запретом, по крайней мере до окончания съемок, поэтому

пришлось наступить на горло своим желаниям и стать изгнанником в своей собственной стране — горше такого изгнания нет ничего.

Я редко оставался в городе без сопровождения, но при этом все время чувствовал себя одиноким. Где бы я ни был, я всегда, сам того не замечая, находился под неусыпным присмотром подпольщиков. Лишь встречаясь с абсолютно надежными людьми, которых я, со своей стороны, не желал компрометировать даже перед собственными друзьями, я заранее просил снять наблюдение. Позже, когда Елена помогла мне наладить работу, я уже достаточно освоился, чтобы беспрепятственно действовать в одиночку. Съёмки шли по плану, никто из участников не пострадал от моей недисциплинированности или случайного промаха. Однако уже за пределами Чили один из ответственных за операцию признался мне без всякой задней мысли: «Никогда еще, сколько существует этот мир, не нарушалось так часто и так опрометчиво столько мер предосторожности».

Меньше чем за неделю мы уже перевыполнили съёмочный план в Сантьяго. Он был достаточно гибким, позволявшим вносить любые изменения, и, как выяснилось, по-другому в этом непредсказуемом городе, полном сюрпризов и неожиданных идей, попросту не вышло бы.

За это время мы уже три раза сменили гостиницу. «Конкистадор», при всем его удобстве и уюте, находился в самом жестко контролируемом районе, и у нас были все основания полагать, что наблюдение за ним ведется плотное. То же самое, разумеется, относилось ко всем пятизвездочным отелям с постоянным притоком иностранцев, которые для диктаторских спецслужб всегда подозрительны по сути своей. Однако в гостиницах рангом ниже, где контроль за входами-выходами не такой строгий, мы боялись привлечь излишнее внимание своей импозантностью. Поэтому безопаснее всего было переезжать каждые два-три дня, не думая о звездах на вывеске и не заселяясь никуда по второму кругу, из-за моего суеверного убеждения, что возвращаться в опасное место — плохая примета. Это суеверие укоренилось во мне 11 сентября 1973 года, когда на дворец Ла-Монеда посыпались бомбы и город охватила паника. Сперва я беспрепятственно покинул киностудию, куда примчался поутру, чтобы вместе с давними соратниками противостоять перевороту, а потом, укрыв в лесопарке Форесталь группу товарищей, имевших все основания беспокоиться за свою жизнь, совершил грубейшую ошибку — вернулся на «Чили-фильм» снова. Спасло меня чудо, о котором я уже рассказывал.

В дополнение к постоянной смене отелей мы с Еленой после третьего переезда (каждый раз под новой легендой) решили селиться в разные номера. Иногда я записывался как руководитель, а она как мой секретарь, иногда мы делали вид, что вообще незнакомы. Кроме того, это постепенное разобщение полностью отражало истинное состояние наших взаимоотношений, хоть и плодотворных в плане работы, но все более тяжелых в плане личностном.

Надо сказать, что из всех отелей, в которых мы останавливались, лишь в двух у нас возникали серьезные поводы для тревоги. Первым был «Шератон». В первую же ночь после нашего заселения меня разбудил телефонный звонок. Елена ушла на подпольное собрание, продлившееся дольше предполагаемого, и ей, как уже неоднократно случалось, пришлось заночевать в том доме, где ее застал комендантский час. Я снял трубку и ответил, спросонок не помня, где я, и что еще хуже, кто я в данный момент. Меня спрашивала какая-то чилийка, называя вымышленным именем. Я уже собирался ответить, что не знаю такого, но тут же проснулся окончательно, ошеломленный тем, что кто-то ищет меня по этому имени в такой час и в таком месте.

Это оказалась гостиничная телефонистка, которой поступил междугородный звонок. За

секунду я сообразил, что никто, кроме Елены и Франки, не знает, где мы остановились, и ни тот, ни другая не станут звонить мне подобным образом, глухой ночью, да еще прикидываясь, что звонят по межгороду, если речь не идет о жизни и смерти. Поэтому я решил ответить. Женский голос обрушил на меня непонятную тираду на английском да еще панибратским тоном, обращаясь ко мне «дорогой», и «золотце», и «милый», и когда мне удалось наконец вставить слово и дать ей понять, что я не говорю по-английски, она повесила трубку, шепнув сладким голосом: «Ну и черт с тобой!»

Расспросы у администратора ничего не дали, кроме того, что среди постояльцев обнаружилось еще двое с фамилиями, созвучными моей вымышленной. Я не сомкнул глаз ни на минуту, и как только в семь утра явилась Елена, мы тут же перебрались в другую гостиницу.

Второй случай произошел в старом отеле «Каррера», выходящем окнами на дворец Ла-Монеда, — правда, встревожил он нас уже задним числом. Через несколько дней после нашего переезда молодая пара, выдающая себя за молодоженов, празднующих медовый месяц, заселилась в соседний номер и нацелила на кабинет Пиночета установленную на фотографической треноге базуку с устройством отсроченного

действия. Идея и воплощение были безупречны, Пиночет оказался в кабинете в нужное время, однако подставки треноги разъехались, не выдержав отдачи, и снаряд полетел мимо.

Пять достопримечательностей

К концу второй недели мы с Франки решили, начиная с субботы, поехать по разным городам. Первым в списке стоял Консепсьон. На тот момент в Сантьяго нам оставалось только встретиться с некоторыми официальными и подпольными руководителями, а также побывать внутри дворца Ла-Монета. Встречи требовали сложной подготовки, которой с неизменным усердием занялась Елена. Одобрение на съемку во дворце нам выдали, однако раньше следующей недели ждать официальной бумаги было бесполезно, поэтому мы с Франки решили в освободившееся время углубиться внутрь страны. Мы передали по телефону французской съемочной группе, чтобы, закончив работу на севере, они возвращались в Сантьяго, а голландцев попросили довести съемки на юге до Пуэрто-Монта и там ждать дальнейших указаний. Я, как и прежде, продолжал работать с итальянцами.

Согласно намеченному плану, в пятницу мы воспользовались возможностью снять меня самого на улицах города, чтобы иметь доказательства моего личного руководства съемками в Чили, на случай, если хунта станет утверждать обратное. Мы снимали у пяти главных достопримечательностей Сантьяго: дворца Ла-Монеда, в лесопарке Форесталь, на мостах через Мачопо, на холме Сан-Кристобаль и в церкви Святого Франциска. Грация заранее наметила там подходящие точки для съемки, чтобы в назначенный день не терять ни минуты, поскольку было решено, что на каждый объект мы можем потратить не больше двух часов — десять на все про все. Я должен прибывать минут через пятнадцать после съемочной группы и, ни с кем не заговаривая, вливаться в обстановку, корректируя процесс условленными с Грацией знаками.

Дворец Ла-Монеда занимает целый квартал, однако два его главных фасада выходят на площадь Бульнес у проспекта Аламеда, где расположено министерство иностранных дел, и на площадь Конституции, где находится резиденция президента. После бомбардировки 11 сентября руины президентского дворца были покинуты. Военные заняли старое двадцатиэтажное здание Конференции ООН по торговле и развитию, которому хунта в погоне за легитим-

ностью присвоила имя борца за либеральные свободы дона Диего Порталеса. Там они и сидели почти десять лет, пока в Ла-Монеде велись масштабные восстановительные работы, включавшие устройство самой настоящей подземной крепости — бункера с секретными ходами, тайными лазами и аварийными выходами на подземную парковку, еще раньше построенную под полотном шоссе. Однако в Сантьяго поговаривали, что особо рьяные сторонники Пиночета сильно сокрушались, что не могут показаться со звездой О'Хиггинса — символом официальной власти в Чили, пропавшим после бомбардировки дворца. Прихвостни диктатора попытались сочинить легенду, что звезду якобы спасли первые прорвавшиеся во дворец, однако эта ложь оказалась настолько шита белыми нитками, что не прижилась.

К девяти утра итальянская группа уже успела отснять фасад со стороны Аламеда, напротив памятника отцу нации Бернардо О'Хиггинсу, где теперь горит вечный огонь — «пламя свободы». Затем они переместились к другому фасаду, откуда лучше всего видно самых статных и рослых карабинеров из особой роты дворцовой гвардии — участников проходящей дважды в день церемонии смены караула (без разношерстной толпы туристов, но с той же помпой и пышностью, что в Букингемском дворце). Охрана здесь

тоже жестче. Поэтому, увидев итальянскую группу, расставляющую аппаратуру, карабинеры стали требовать разрешение на съемку, которое уже спрашивали со стороны Аламеды. Так было везде и всюду, в любой точке города: стоило поставить камеру, как тут же возникал карабинер с требованием предъявить официальную бумагу.

В этот момент пришел я. Наш миролюбивый, но бесстрашный оператор Уго, которого очень забавляло все это приключение, умудрился, одной рукой показывая документ, другой незаметно снимать карабинера.

Франки высадил меня за четыре квартала до дворца и четверть часа спустя снова подхватил меня четырьмя кварталами дальше. Стояло холодное туманное утро, типичное для нашей ранней осени, и я весь продрог, несмотря на зимнее пальто. Четыре квартала до дворца я прошел ускоренным шагом, чтобы согреться, продираясь через спешащую толпу, а потом сделал крюк еще в два квартала, чтобы дать группе настроиться. Когда я пошел обратно, они беспрпятственно запечатлели мой проход перед Ла-Монедой. Через пятнадцать минут группа собрала оборудование и отправилась на следующий объект. Я дошел до машины Франки, стоявшей на улице Рикельме у станции метро «Лос-Эроес», и мы поехали дальше.

В лесопарке Форесталь мы управились быстрее назначенного времени, поскольку, увидев его снова, я понял, что мой к нему интерес был исключительно субъективным. На самом деле это очень красивое место, настоящая достопримечательность Сантьяго, особенно когда ветер, как в ту пятницу, шелестит желтыми осенними листьями. Но меня туда привела в первую очередь ностальгия. Там находился факультет изящных искусств, в чьих стенах я представил свою первую театральную постановку, едва приехав из деревни. Позже, уже будучи начинающим кинорежиссером, я почти каждый день ходил через парк домой, и его аллеи в сумерках всегда ассоциировались в памяти с моими первыми фильмами. Что еще говорить? Мы ограничились тем, что сняли короткий проход между тополями, роняющими листья с шелестом, напоминающим шум дождя, а дальше я отправился в торговый центр, где меня ждал Франки. Воздух был прозрачен и свеж, впервые с момента моего приезда на горизонте просматривались горы. Сантьяго ведь находится в долине между горами, и обычно все застилает дымка смога. На улице Эстадо, как обычно, было много народу, в кинотеатрах уже начинался первый сеанс. В «Рексе» шел «Амадей» Милоша Формана, который я отчаянно хотел посмотреть, и мне пришлось сделать громадное усилие над собой, чтобы не зайти.

***И вдруг откуда ни возьмись —
моя теща***

В предыдущие дни во время съемок я видел краем глаза многих своих знакомых — журналистов, политических и культурных деятелей. Из них меня, наоборот, никто пока еще ни разу не узнал, и это придавало уверенности, однако в пятницу случилось то, что рано или поздно должно было случиться. Навстречу мне по аллее парка шла видная женщина, одетая в тиковый кремового цвета костюм, без пальто, словно летом. Когда между нами оставалось метра три, я понял, что знаю ее. Лео, моя теща. Последний раз мы виделись полгода назад в Испании, совсем недавно, а значит, поравнявшись со мной, она непременно меня узнает. Я уже хотел развернуться, но вспомнил, что, во-первых, меня учили бороться с подобными отчаянными порывами, а во-вторых, что многих нелегалов, не узнанных в лицо, моментально узнавали со спины. На свою тещу я более-менее полагался, надеясь, что, даже узнав, она не кинется ко мне. Но дело осложнялось тем, что она была не одна. Под руку с ней шла ее сестра, тетя Мина, тоже хорошо со мной знакомая, и Лео что-то говорила ей вполголоса, почти на ухо. Встреть я их поодиночке, это еще полбеда, но вместе они могли устроить какой угодно

цирк. Не раз бывало, что при виде меня они принимались кричать на всю улицу: «Мигель, сынок, какая встреча, что ж ты не заходишь?» И прочее в таком духе. Кроме того, обнаружив перед ними свое нелегальное пребывание в Чили, я и их поставил бы под удар.

Не видя другого выхода, я предпочел идти вперед, не спуская глаз с тещи, чтобы сразу перехватить ее, если она меня узнает. Лео скользнула по мне рассеянным взглядом, не переставая разговаривать с тетушкой Миной, и мы разминулись буквально в двух шагах. До меня донесся аромат ее духов, я увидел ее красивые бархатные глаза и услышал обрывок разговора: «Чем старше дети, тем больше хлопот». Но я шел дальше.

Некоторое время спустя, услышав мой рассказ об этой случайной встрече уже по телефону из Мадрида, она сильно изумилась, поскольку ничего подобного не помнила. Меня же это происшествие сильно взволновало.

После такой встряски я стал искать место, где бы присесть и подумать. Поиски привели меня в маленький кинотеатр, где шел «Остров счастья» — итальянский фильм на грани порнографии. Я провел в зале десять минут. Смотрел на подтянутых красавцев и красавиц, которые весело плескались в морских волнах под ярким солнцем какого-то тропического рая, но особо

не присматривался. Зато в темноте легче было прийти в себя, и только там я понял, насколько спокойно и размеренно текли мои дни до этого. В четверть двенадцатого Франки подобрал меня на углу Эстадо и Аламеды и отвез на следующую точку — мосты через Мапочо.

Река Мапочо протекает в каменных берегах через весь город и радует глаз ажурными пролетами металлических мостов, рассчитанных на сильные землетрясения. В засуху, как во время моего приезда, река мелеет, превращаясь в тонкую струйку жидкой грязи, которая едва сочится между бараками по берегам. После дождей вода в реке прибывает, пополняясь потоками с гор, и бараки становятся похожи на корабли, дрейфующие в мутном море. После военного переворота река Мапочо стала ассоциироваться во всем мире с изувеченными телами, которые несли ее воды после ночных погромов, проводимых патрулями на окраинах — в печально известных «побласьонах» Сантьяго. Однако в последние годы независимо от сезона истинная трагедия Мапочо — это голодные толпы, воюющие с собаками и стервятниками за отбросы, сваливаемые в речное русло у городских рынков. Это изнанка «чилийского чуда», сотворенного военной хунтой по наущению Чикагской экономической школы.

До и во время правления Альенде в Чили культивировалась скромность, и, что еще существеннее, чилийская буржуазия возводила ее в ранг национального достояния. Военная хунта, чтобы создать видимость быстрого экономического роста, денационализировала все, что национализировал Альенде, и распродала страну частному капиталу и транснациональным корпорациям. Начался бум предметов роскоши — бесполезных блестящих цацек — и внешнего украшательства, подпитывающего иллюзию полного процветания. За одну пятилетку было импортировано больше вещей, чем за предыдущие двести лет, и куплены они были на валютные займы, обеспеченные в Национальном банке средствами, полученными в результате денационализации. Пособничество США и международных кредитных организаций довершило начатое. Однако настал и час расплаты: шести-семилетние иллюзии рассыпались в прах за один год. Внешний долг Чили, составлявший в последний год правления Альенде четыре миллиарда долларов, вырос до двадцати трех миллиардов. Достаточно прогуляться по задворкам рынков вдоль реки Мапочо, чтобы увидеть истинную социальную цену этих девятнадцати миллионов, выброшенных на ветер. Военное «экономическое чудо» сделало немногочисленных богачей еще богаче, а остальных чилийцев пустило по миру.

Мост, повидавший все

Есть в этой свистопляске жизни и смерти один мост — мост Реколета, слуга двух господ, рынка и кладбища. Днем похоронные процессии вынуждены прокладывать себе путь в толпе. Вечером, когда нет комендантского часа, здесь проходит дорога в клубы танго, воплощающие тоску окраин по прежней жизни. Лучшими танцорами там слынут могильщики. Но в ту пятницу, после стольких лет разлуки с этими священными местами, в глаза мне бросилось количество молодых парочек, прогуливающихся в обнимку над рекой, целующихся у ларьков с цветами и венками для усопших и не думающих о времени, которое бесконечно и неумолимо утекает под мостами.

Такую романтику напоказ я наблюдал только в Париже. В Сантьяго, наоборот, чувства всегда скрывались, однако теперь моим глазам представало воодушевляющее зрелище, которое в Париже понемногу уходило со сцены, и я уже не думал где-то в мире увидеть подобное. Мне вспомнилось услышанное недавно в Мадриде: «Любовь расцветает во времена чумы».

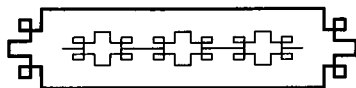
Еще до прихода к власти «Народного единства» на строгих служащих в темных костюмах с зонтами, дамочек в модных европейских платьях и детишек в комбинезонах с заячьими ушами по-

веяло свежим ветром «Битлз». Появилась ошущаемая тенденция к стиранию различий между полами — мода унисекс. Женщины стали стричься коротко, почти под ноль, забрали себе мужские брюки-трубы, а мужчины начали отращивать волосы. Но и эта мода, в свою очередь, пала под натиском диктаторского ханжества. Все разом подстриглись, не дожидаясь, пока прически подравниют патрульные своими штыками, как не раз бывало в первые дни после переворота.

До той пятницы на мостах Мапочо мне не приходило в голову, что молодежь снова успела измениться. В городе правило бал следующее поколение — поколение двадцатилетних, которым во времена переворота было десять и которые тогда вряд ли сознавали масштаб трагедии. Позже мы снова и снова обнаруживали, что молодежь, не стесняющаяся миловаться на людях, научилась стоять за себя. Это она теперь диктует вкусы, образ жизни, представления о любви, об искусстве, о политике, пока диктатура брызжет старческой слюной. Никакие репрессии ее не останоят. Музыка, которая гремит на полной громкости отовсюду (даже из тонированных автомобилей карабинеров, слушающих, но не слышащих), — это песни кубинцев Сильвио Родригеса и Пабло Миланеса. Дети, ходившие во времена Сальвадора Альенде в начальную школу, сегодня

командуют сопротивлением. Это обстоятельство открыло мне глаза и одновременно встревожило. Я впервые задался вопросом, так ли уж полезна в действительности моя охота за ностальгическими воспоминаниями.

Сомнение дало мне новый толчок. Только чтобы завершить намеченную на сегодня программу, я побывал на холме Сан-Кристобаль, потом у церкви Святого Франциска, отливающей золотом в закатных лучах. Затем я попросил Франки забрать из гостиницы мою дорожную сумку и заехать за мной через три часа к кинотеатру «Рекс», а сам пошел смотреть «Амадея». Еще я попросил передать Елене, что мы на три дня исчезнем. Без подробностей. Я шел против всех правил, поскольку Елена должна была постоянно находиться в курсе моего местонахождения, однако ничего не мог с собой поделаться. Втайне от всех мы с Франки отправились вечерним одиннадцатичасовым поездом в Консепсьон — на сколько потребуется.

5. Самоожжение перед собором

На самом деле мой порыв не был таким уж безотчетным. Поезд казался мне более безопасным средством передвижения, ведь там, в отличие от аэропортов и магистралей, нет контрольных пунктов. И кроме того, можно было с пользой задействовать ночь, которая в городах пропадала из-за комендантского часа. Франки эти доводы не особенно убедили, он-то знал, что за поездами как раз наблюдают строже, чем за остальным транспортом. А я уверял, что именно поэтому они безопаснее. Какому жандарму придет в голову, что нелегал осмелится сесть в тщательно охраняемый поезд? Франки, напротив, полагал, что жандармерии эта уловка нелегалов тоже давно известна. Кроме того, богатый владелец рекламного агентства, с большим опытом

и связями в Европе, должен путешествовать на роскошных европейских поездах, но уж никак не на обшарпанных составах чилийского захолустья. Переубедил его мой последний довод, что авиаперелет до Консепсьона может сорвать план работы и встреч, поскольку никогда не знаешь, дадут приземление или отменят из-за тумана. Но если признаться честно, я просто хотел во что бы то ни стало отправиться поездом, поскольку от страха перед самолетами так и не избавился.

Поэтому в одиннадцать вечера мы сели в поезд на Центральном вокзале, непостижимой красотой своих железных переплетов не уступавшем Эйфелевой башне, и разместились в удобном и чистом купе спального вагона. Я умирал от голода, потому что с самого завтрака ничего не ел, кроме двух шоколадок, купленных в кино, пока юный Моцарт выделял антраша перед императором австрийским. Проводник предупредил, что есть можно только в вагоне-ресторане, но наш вагон от него отрезан. Однако сам же проводник и подсказал выход: пока поезд не тронулся, сесть в вагон-ресторан, поужинать, а час спустя перейти в свой спальный во время стоянки в Ранкагуа. Так мы и поступили, но возвращаться пришлось почти бегом, потому что уже объявили комендантский час, и проводники

кричали нам: «Скорее, сеньоры, скорее, мы нарушаем закон». Хотя замерзшим и сонным дежурным по станции в Ранкагуа было плевать на неизбежное нарушение военного указа.

Холодная и безлюдная станция тонула в призрачном тумане, как в каком-нибудь кино про угоняемых в фашистскую Германию. Мы спешили, подстегнутые криками проводников, и тут нас обогнал официант из вагона-ресторана, в классическом белом пиджаке, несший на вытянутой ладони тарелку риса, украшенного поджаренным яйцом. Он промчался с немыслимой скоростью около пятидесяти метров и просунул ни разу не колыхнувшуюся тарелку в окно купе где-то в хвосте поезда, получив, разумеется, заслуженную мзду. В ресторан он вернулся еще до того, как мы вошли в свой вагон. Почти пятьсот километров до Консепсьона поезд проехал в полной тишине, словно комендантский час распространялся не только на спящих пассажиров, но и на все живое вокруг. Временами я высовывался в окно, однако сквозь туман разглядеть удавалось лишь безлюдные станции и молчаливые поля — бесконечную ночь в опустошенной стране. Единственное свидетельство людского существования — нескончаемая колючая проволока вдоль всего железнодорожного полотна, а за ней ничего — ни людей, ни зверей, ни цветов. Пусто-

та. Мне вспомнились строки Неруды: «Повсюду хлеб, рис, яблоки, а в Чили — проволока рядами».

В семь утра, когда просторов для колючей проволоки оставалось еще много, мы прибыли в Консепсьон. Обдумывая дальнейшие планы, мы решили, что первым делом надо бы побриться. Я лично никакой проблемы не видел, собираясь воспользоваться предлогом и попробовать снова отрастить бороду. Однако щетина могла привлечь нежелательное внимание жандармов — и не где-нибудь, а в городе, который в чилийском сознании стал колыбелью социальной борьбы. Здесь в семидесятых зарождалось студенческое движение, здесь Сальвадор Альенде обрел решительную предвыборную поддержку, здесь президент Габриэль Гонсалес Видела устраивал в 1946 году кровавые репрессии, незадолго до основания концлагеря в Писагуа, где учился сеять ужас и смерть молодой офицер по имени Аугусто Пиночет.

Неувядающие цветы на площади Себастьяна Асеведо

Из такси, которое везло нас в центр города сквозь плотный и холодный туман, мы увидели на паперти собора одинокий крест и букет искус-

ственных цветов. На этом месте два года назад совершил самоожжение простой шахтер Себастьян Асеведо, отчаявшийся добиваться, чтобы в застенках Национального информационного центра* перестали истязать его двадцатидвухлетнего сына и двадцатилетнюю дочь, задержанных за нелегальное ношение оружия.

Своим поступком Себастьян Асеведо уже не молил о помощи, а привлекал внимание общественности. Он обратился в архиепископский дворец (сам архиепископ был в отъезде), к журналистам из популярных изданий, лидерам политических партий, коммерческим и промышленным руководителям, ко всем, кто готов был его выслушать, включая правительственных чиновников, и всем говорил одно и то же: «Если издевательства над моими детьми продолжатся, я оболью себя бензином на паперти перед собором и сожгу». Одни ему не поверили. Другие поверили, но не знали, что предпринять. В назначенный день Себастьян Асеведо встал на паперти, вылил на себя канистру бензина и объявил собравшейся толпе, что, если кто-то попытается приблизиться, он сожжет

* Аналог КГБ в Чили с 1977-го по 1990 г., исполняющий функции разведки, контрразведки и тайной полиции.

себя. Ни уговоры, ни приказы, ни угрозы не помогали. Пытаясь предотвратить трагедию, один из полицейских шагнул к нему, и Асеведо превратился в живой факел.

Он прожил еще семь часов, не испытывая боли. Народное возмущение было так велико, что полиции пришлось пустить дочь к нему в больницу перед смертью. Врачи, не желая, чтобы она видела его в таком плачевном состоянии, разрешили поговорить с ним по внутренней связи. «Откуда мне знать, что ты и вправду Канделария?» — спросил Асеведо, услышав голос. Дочь назвала ему прозвище, которым он ее ласково называл в детстве. Ценой своей жизни отцу удалось добиться, чтобы детей выпустили из застенков, и дело слушалось уже в обычном суде. С тех пор жители Консепсьона между собой именуют ту самую паперть «площадью Себастьяна Асеведо».

Как же трудно побриться в Консепсьоне!

Появиться в этой колыбели истории в семь утра в деловом костюме и небритому значило навлечь на себя подозрения. Кроме того, любому известно, что нормальный владелец реклам-

ного агентства помимо мини-диктофона (записывать ценные мысли) возит в портфеле электробритву, чтобы перед важными переговорами побриться в самолете, в поезде, в автомобиле и где угодно. Однако, как знать, может, не так уж и рискованно поискать в субботу в семь утра в Консепсьоне подходящего брадоброя? Первую попытку я предпринял в единственной открытой в такую рань парикмахерской на Пласа-де-Армас, на двери которой значилось: «Общий зал». Полусонная девушка лет двадцати подметала салон, а юноша примерно того же возраста выстраивал флаконы на туалетном столике.

— Я хотел бы побриться, — начал я.

— Нет, — ответил юноша, — мы этим не занимаемся.

— А кто занимается?

— Пройдите дальше, тут много парикмахерских.

Я прошагал квартал до той улицы, где Франки остался искать автомобиль напрокат, и увидел, что он показывает удостоверение личности двум карабинерам. У меня тоже попросили паспорт, но проблем не возникло. Наоборот, пока Франки брал машину, один из жандармов проводил меня до следующей парикмахерской через два квартала, которая как раз открывалась, и попрощался со мной за руку.

Там на двери тоже висела табличка «Общий зал». В этом салоне, как и в предыдущем, обнаружился парикмахер лет тридцати пяти и девушка помоложе. На вопрос, чего я желаю, я ответил: «Побриться». И снова на меня посмотрели с удивлением.

— Нет, это не к нам.

— У нас тут общий зал, — пояснила девушка.

— Хорошо, — возразил я, — общий так общий, но разве нельзя кого-то отдельно побрить?

— Нет, это не по нашей части.

Оба повернулись ко мне спиной.

Я отправился бродить дальше по безлюдным улицам в тумане, поражаясь не только количеству парикмахерских с общим залом, но и их единодушию: на мою просьбу везде отвечали отказом. Я совсем заблудился в тумане, когда меня окликнул уличный мальчишка:

— Что-то ищете, сеньор?

— Да, — ответил я. — Мужскую парикмахерскую, как раньше, без общего зала.

И он отвел меня в обычную парикмахерскую, с красно-белым полосатым цилиндром у входа и вращающимися креслами. Двое пожилых парикмахеров в засаленных фартуках трудились над одним клиентом. Один стриг, а второй смахивал щеткой волосы, падающие на лицо и плечи. Пахло притирками, ментоловым спиртом,

старинной аптекой — и только тогда я осознал, как не хватало мне этого запаха в предыдущих парикмахерских. Запах моего детства.

— Я хотел бы побриться.

Все, включая клиента, посмотрели на меня с удивлением. Пожилой работник с щеткой задал вслух вопрос, вероятно, возникший у всех троих:

— А вы откуда?

— Чилиец, — машинально ответил я и тут же поправился: — Из Уругвая.

Они не заметили, что исправление вышло не лучше оговорки, зато я наконец осознал свою ошибку. Прося побрить меня, я употреблял глагол «расурар», которым в Чили давным-давно уже никто не пользуется, теперь говорят «афейтар». Поэтому в парикмахерских, где работает молодежь, просто не понимали этого старомодного оборота. А здесь, наоборот, оживились, увидев пришельца из прошлого. Свободный парикмахер усадил меня в кресло, заправил по старинке накидку за воротник и открыл подернутую ржавчиной бритву. Лет семидесяти (явно нелегких) на вид, высокий, морщинистый, с седой головой, он сам не брился дня три как минимум.

— С холодной водой будем бриться или горячей?

Дрожащей рукой он едва удерживал бритву.

— Горячей, конечно.

— Вот ведь незадача, кабальеро, горячей воды нет, только холодная — зато чистейшая водица.

В итоге я вернулся в первую парикмахерскую с общим залом, и поскольку в глаголах уже не путался, меня сразу обслужили — с условием, что заодно и подстригут. Получив согласие, молодой человек и девушка встrepенулись и начали самую настоящую церемонию. Девушка обернула мне шею полотенцем и вымыла голову холодной водой (горячей у них тоже не было), спросила, какую мне стрижку — номер три, номер четыре или номер пять, и борюсь ли я как-нибудь с залысынами. Я ни о чем не волновался, пока она вдруг не замерла, вытирая мне лицо, и не пробормотала изумленно: «Ну надо же!» Я вскинулся: «Что такое?» Она озадачилась не меньше меня.

— У вас брови депилированные!

Недовольный этим открытием, я решил спрятаться за грубой шуткой и, растягивая слова, произнес:

— А что, «голубые» уже не люди?

Покраснев до корней волос, девушка замотала головой. Мной занялся парикмахер и, несмотря на точность моих указаний, подстриг короче требуемого, по-другому зачесал волосы — в конечном итоге превратив меня обратно в Мигеля Литтина. Неудивительно, ведь гример в Париже

намеренно зачесывал волосы против роста, а консепсьонский парикмахер просто вернул все как было. Не беда, воссоздать фальшивую личину я и сам смогу. Так я и поступил, скрепя сердце и наступая на горло желанию побыть самим собой в этом далеком туманном городе, где меня уж точно никто не узнает. Когда молодой человек закончил стрижку, девушка проводила меня в дальний зальчик и осторожно, словно делая что-то запретное, включила электробритву в розетку. К счастью, на этот раз горячая вода не понадобилась.

Рай и ад

Франки уже успел взять напрокат машину. Мы позавтракали в кафетерии, выпив по чашке холодного кофе (у них тоже не было горячей воды) и направились к угольным шахтам «Лоты-Швагера» по мосту через Био-Био, самую могучую чилийскую реку, чьи воды цвета жидкого металла почти сливались с туманом. В прошлом веке шахты и шахтерскую жизнь во всех подробностях описал чилийский писатель Бальдомеро Лильо, и его хроники до сих пор не утратили злободневности. Мы словно перенеслись в Уэльс столетней давности — пропитанный угольной

пылью туман и нечеловеческие, как до промышленной революции, условия работы.

На дороге нас ждали три полицейских кордона. Самый трудный, как мы и предполагали, первый, поэтому на вопрос, какова цель нашего визита в «Лоту-Швагер», мы выдвинули всю имеющуюся словесную артиллерию. Сам поразился собственному красноречию.

Ответил, что мы хотели бы осмотреть парк, который признан одним из самых красивых в обеих Америках и славится своими древними гигантскими араукариями, а также многочисленными скульптурами, вокруг которых гуляют павлины и черные лебеди. Мы собираемся снимать в парке рекламный фильм, призванный прославить на весь мир «Араукарию», новые духи, названные в честь этих идиллических аллей.

Ни один чилийский полицейский не способен устоять перед такими пространными объяснениями, тем более когда в них превозносится красота родной земли. Нам пожелали доброго пути и обещали предупредить о нашем проезде второй кордон. Там у нас документов уже не спрашивали, зато досмотрели машину и багаж. Единственное, за что они уцепились — это камера «Супер-8» (даром что любительская), поскольку у нас не нашлось разрешения на съемку в шахтах. Мы заверили, что нас интересует толь-

ко высокогорный парк со статуями и лебедями, а для лучшего эффекта я решил добавить с ноткой аристократического презрения:

— До бедняков нам нет дела.

Внимательно осматривающий вещи полицейский ответил, не глядя на меня:

— У нас здесь все бедняки.

Досмотр их удовлетворил. Через полчаса, преодолев крутой узкий карниз, мы уже без проволочек прошли третий контрольный пункт и въехали в парк. Упоительный уголок, созданный знаменитым виноделом Матиасом Коусиньо для своей возлюбленной. Чтобы порадовать ее, он привез сюда красивейшие деревья со всех концов Чили. Привез диковинных зверей, статуи богинь, символизирующих разные состояния души — веселье, грусть, ностальгию, любовь. В глубине парка раскинулся сказочный дворец, с террас которого виден Тихий океан до противоположного края света.

Мы пробыли в парке все утро, ведя предварительную натурную съемку камерой «Супер-8», чтобы подготовить почву для съемочной группы с официальным разрешением. На первых же кадрах к нам подошел смотритель и сообщил, что тут запрещено снимать даже обычным фотоаппаратом. Мы повторили ему легенду про рекламный фильм, который прославит парк на весь мир, но

смотритель не мог нарушить приказ. Однако предложил проводить нас вниз, к шахтам, чтобы мы попросили разрешение на съемку у начальства.

— Больше мы пока снимать не собирались, — ответил я. — Но если вам так будет спокойнее, то можете походить с нами.

Он согласился, и мы пошли по парку вместе с ним. Он был молодой и какой-то грустный. Франки поддерживал беседу, а я со своим хилым уругвайским акцентом предпочитал помалкивать. В какой-то момент зрителю захотелось покурить, и мы отдали ему все наши сигареты. После этого он оставил нас одних, и мы отсняли все, что хотели. Не только наверху, в парке, но и внизу, в шахтах. Разметили точки съемки, углы, планы, расстояния на всем пространстве огромного парка, а потом переместились вниз, где ютятся в нищете шахтеры и рыбаки. Неприглядная действительность, в которую сложно поверить, но она тем не менее существует.

Бар, где ночуют чайки

Когда мы спустились, было уже за полдень. С причала отправлялись по своему ежедневному маршруту через бушующее море с высокими чер-

ными волнами баркасы на соседний остров Святой Марии. В них грузились целыми семьями, со скарбом, припасами и домашней живностью.

Угольные шахты — это глубокие тоннели, пробитые в морском дне, где от зари до зари трудятся в тяжелейших условиях тысячи рабочих. Снаружи, у входа в тоннели, сотни женщин и мужчин с детьми роются в земле, словно кроты, перебирая угольный шлак. Наверху, в тенистом парке, воздух чист и прозрачен. Внизу дышат туманом пополам с угольной пылью, вызывающей хрипы и оседающей в бронхах. Сверху море кажется невыразимо прекрасным. Внизу оно бурное, штормовое.

Эти шахты стали для Сальвадора Альенде оплотом в политической и духовной борьбе. В 1958 году здесь состоялась демонстрация, впоследствии названная «угольным маршем», когда шахтеры темной безмолвной толпой перешли мост через Био-Био и вступили в Концепсьон с плакатами и флагами, серьезно обеспокоив правительство своим решительным настроением. Это событие чилийский режиссер Серхио Браво отразил в фильме «Народные знамена» (*Banderas del Pueblo*), входящем в число самых острых документальных лент чилийского кино. Альенде тоже был здесь, с шахтерами, и, мне кажется, именно этот марш обеспечил ему прочную на-

родную поддержку. Впоследствии, уже будучи президентом, в одной из своих первых поездок он направился сюда, беседовать с шахтерами на Пласа-де-Лота.

Я состоял тогда в его комитете. В тот день он (человек, который гордился не утраченным в свои шестьдесят юношеским задором) поразил меня прилюдным признанием: «Моя молодость уже позади, я почти старик». Простые шахтеры, перемазанные сажей, угрюмые, уставшие от бесконечных невыполнимых обещаний, открыли ему душу и стали оплотом его победы. Вступив на президентский пост, он начал с того, что выполнил обещание, данное в тот день шахтерам «Лоты-Швагера», — национализировал шахты. Пиночет первым делом вернул их обратно в частную собственность, как и многое другое — кладбища, поезда, порты и даже утилизацию отходов.

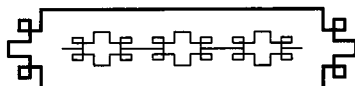
Отработав съемочную программу в шахтах (без дальнейших препятствий со стороны военных и гражданских властей), в четыре часа мы возвратились в Консепсьон через Талькауано. Дорога была запружена шахтерами, идущими домой в тумане и волочащими тележки с углем, выбранным из отвалов шлака. Призрачные худые мужчины, жилистые упрямые женщины, навьюченные мешками, — словно порождения кошмара, возникающие из ниоткуда в свете фар.

Талькауано — главный военный порт Чили, там расположены военно-морское училище и самая активно работающая судоверфь. После переворота город обрел печальную славу, став пересыльным пунктом для политзаключенных, отправляемых в концлагерь на острове Досон.

В толпе оборванных шахтеров мелькала белоснежная форма морских курсантов. Дышалось с трудом — воздух пропитывала вонь рыбной муки, гудрона с судоверфей и гниющих водорослей.

Вопреки нашим опасениям на въезде в город никакого военного пропускного пункта не обнаружилось. Окна в большинстве домов были темные, если где-то и теплился свет, то слабый, от допотопных коптилок. Мы ничего не ели с самого завтрака, состоявшего из холодного кофе, поэтому неожиданное явление ярко освещенного ресторана показалось сказочным чудом. Особенно когда мы заметили, что в нем полно чаек, залетающих внутрь с морских террас. Никогда не видел их в таком количестве, да еще вынырывающих из темноты и парящих над головами невозмутимых посетителей. Будто слепые или оглушенные, они не разбирали, куда летят, и шумно врезались во все и вся. Мы съели свой

припозднившийся завтрак, отведав доисторических морепродуктов, выловленных в холодных и глубоких территориальных водах Чили, а после вернулись в Консепсьон. На обратный поезд до Сантьяго мы вскочили уже почти на ходу, потому что контора, где мы брали автомобиль напрокат, оказалась закрыта, и мы битых четыре часа искали, кому его вернуть.

6. Двое вечно живых — Альенде и Неруда

Побласьоны — огромные трущобы на окраинах больших чилийских городов — пользуются определенной свободой (как касбы в арабских городах), поскольку их обитатели, закаленные вечной нищетой, превратили свою территорию в настоящий неприступный лабиринт. Полиция и военные предпочитают не соваться лишний раз в эти закоулки, где может бесследно пропасть даже слон. Стандартные методы подчинения бессильны против дерзкого и яростного отпора трущоб. Побласьоны всегда вызывали головную боль у правительства и исторически служили своеобразной «лакмусовой бумажкой» политических взглядов на демократических выборах. Мы же прорывались в побласьоны, чтобы документально засвидетельст-

зовать отношение народа к диктатуре, а также показать, насколько жива память о Сальвадоре Альенде.

Первой неожиданностью для нас оказалось, что известные имена высланных из страны руководителей ничего не говорят новому поколению, лишаящему диктатуру покоя и сна. Для них эти руководители всего лишь герои былой славы, не имеющие отношения к настоящему. Как ни парадоксально, тут-то и кроется фатальный просчет, допущенный хунтой.

Придя к власти, генерал Пиночет заявил, что не оставит свой пост до тех пор, пока у новых поколений не сотрется бесследно память о демократии. Он никак не предвидел, что тем самым роет яму собственному режиму. Не так давно, выведенный из себя агрессией молодежи, встречающей штурмовиков градом камней, тайно формирующей вооруженные отряды, ведущей подпольную и политическую работу с целью восстановить систему, которую большинство из них не застали, генерал Пиночет вскричал в бешенстве, что эта молодежь только потому гонится за демократией, что не имеет о ней ни малейшего представления.

Имя Сальвадора Альенде хранит в себе память о прошлом, поэтому в поблассьонах его

культ разросся до немыслимых размеров. Побласьоны интересовали нас прежде всего с точки зрения условий жизни, степени сознательности перед лицом диктатуры, а также предполагаемых форм борьбы. На вопросы везде отвечали открыто и охотно, однако всегда с воспоминаниями об Альенде. Разные ответы сводились к общей формуле: «Я всегда голосовал только за него, больше ни за кого». Неудивительно, ведь на протяжении своей жизни Альенде столько раз выдвигался кандидатом, что перед самым избранием шутил, что на его могиле напишут: «Здесь покоится Сальвадор Альенде, будущий президент Чили». Альенде победил в президентских выборах только с четвертого раза, однако до этого он занимал и депутатский пост, и сенаторский. Кроме того, за свою долгую парламентскую карьеру он побывал кандидатом от большинства провинций, изучив страну вдоль и поперек, от перуанской границы до Патагонии, каждый ее квадратный сантиметр, ее народ, многообразие ее культур, ее горести и мечты. Люди, в свою очередь, ближе узнавали его. В отличие от многих политиков, которых народ видит только в прессе или на экране телевизора и слышит по радио, Альенде появлялся во плоти, общался с людьми лично, навещал их по

домам, как семейный врач (которым он и был по профессии). Его понимание человеческой природы вкупе с почти животным политическим чутьем вызывало противоречивые и не всегда легко устранимые чувства. Уже в бытность президентом перед ним промаршировал на демонстрации человек с необычным плакатом: «Правительство — дерьмо, но это мое правительство». Альенде встал, аплодируя, и спустился с трибуны пожать ему руку.

В своем долгом путешествии по стране мы не видели уголка, где бы не нашлось его портрета. Всегда находился кто-то, кто знал его лично — с кем-то он обменялся рукопожатием, у кого-то стал опекуном для детей, кому-то вылечил застарелый кашель отваром трав с собственного огорода, кого-то устроил на работу, у кого-то выиграл партию в шахматы. Любая вещь, побывавшая в его руках, бережно хранится. Показывая на самое крепкое кресло в доме, нам поясняли: «Вот здесь он один раз сидел». Или демонстрировали какое-нибудь изделие народных промыслов: «Вот это он нам подарил». Вот слова одной девятнадцатилетней хозяйки, ждущей уже второго ребенка: «Я рассказываю своему сыну о президенте, хотя едва его знала, ведь мне было всего девять, когда он погиб». На наш вопрос,

что она о нем помнит, девушка ответила: «Мы с отцом видели, как он говорит с балкона, размахивая белым платком».

В одном из домов мы поинтересовались у хозяйки, не была ли она раньше альендисткой, и услышали в ответ: «Не только была, я и сейчас есть». Под висящей на стене иконой Девы Кармен оказался портрет Альенде.

Во времена Альенде небольшие бюстики президента продавались на рынках. Сейчас перед этими бюстками в побласьонах ставят цветы и зажигают лампы. Его память живет во всех и во всем: в стариках, которые голосовали за него по третьему и четвертому разу, в его избирателях, в детях, знающих его лишь по чужим воспоминаниям. От разных женщин мы слышали одну и ту же фразу: «Единственный президент, боровшийся за наши права, — это Альенде». Впрочем, его редко называют по фамилии, чаще просто — Президент. Словно он еще жив, словно других не было, словно ждут его возвращения. В памяти побласьонов запечатлелся не столько его образ, сколько величие его гуманистических замыслов.

— Кров и еда не главное, главное — достоинство, — говорят жители окраин и уточняют: — Нам ничего не нужно, кроме того, что у нас отняли. Голос и право выбора.

Двое вечно живых — Альенде и Неруда

Сильнее всего культ Альенде ощущается в шумном порту Вальпараисо, где он родился, вырос и сформировался как политик. Именно там, в доме сапожника-анархиста, он начал читать политическую литературу, именно там навеки проникся любовью к шахматам. Его дед, Рамон Альенде, основал первую в Чили светскую школу, а также первую масонскую ложу, в которой Сальвадор впоследствии дорос до высшего «градуса» — звания Великого Магистра. Первое его памятное выступление состоялось во время «двенадцатидневной социалистической республики» уже ставшего легендарным Мармадуке Грове, брат которого стал впоследствии зятем Альенде.

Странно, что диктаторское правительство похоронило Альенде именно в Вальпараисо, как он и сам того наверняка желал бы. Доставили без огласки и траурной процессии ночью 11 сентября 1973 года на допотопном двухвинтовом самолете Воздушных сил, продуваемом насквозь южными ледяными ветрами, в сопровождении лишь супруги Альенде Гортензии Бусси и его сестры Лауры. Один боец разведслужбы хунты, в числе первых ворвавшийся во дворец Ла-Мо-

неда, заявил американскому журналисту Томасу Хаузеру, что своими глазами видел труп президента — «череп раскроен, на полу и на стене ошметки мозгов». Может быть, именно поэтому, когда супруга Альенде попросила дать ей взглянуть на лицо покойного в гробу, военные в просьбе отказали, и она видела только очертания тела под саваном. Альенде похоронили на кладбище Святой Инессы, в семейном склепе Мармадуке Грове. Все почести свелись к букету цветов, возложенному супругой со словами: «Здесь покоится Сальвадор Альенде, президент Чили». Таким образом его пытались лишить народного почитания, однако ничего не вышло. К его могиле не зарастает паломническая тропа, на ней не переводятся возложенные заботливыми руками цветы. Правительство пыталось пресечь и это, пустив слух, что тело перезахоронено в другом месте, однако цветы на могиле по-прежнему всегда свежие.

Другой культ, который по-прежнему живет в сознании новых поколений — это культ Пабло Неруды, поддерживаемый в его доме на побережье Исла-Негра — «Черного острова». Вопреки названию, это никакой не остров, и тем более не черный, а рыбацкий поселок в сорока километрах к югу от Вальпараисо по шоссе Сан-Антонио, с желтыми песчаными тропками между

сосен и бурным зеленым морем. Там у Пабло Неруды был дом, который теперь стал местом паломничества влюбленных со всего мира. Мы с Франки приехали туда разрабатывать съемочный план, пока итальянская группа заканчивала последние кадры в порту Вальпараисо. Карабинер из охраны показал нам все — и мост, и таверну, и остальные достопримечательности, увековеченные поэтом в его стихах, однако предупредил, что сам дом закрыт для посетителей.

— Можете осмотреть снаружи.

Коротая время в таверне в ожидании съемочной группы, мы осознали, до какой степени поэт был душой этого побережья. Когда он жил здесь, поселок осаждала молодежь со всего мира, вооружившись вместо туристических путеводителей его сборником из двадцати стихотворений о любви. Им хватало самой малости — увидеть поэта мельком, попросить автограф, если очень повезет, а зачастую просто унести с собой воспоминания об этом месте. Пабло Неруда в своих цветных пончо и перуанских шапках, грузный и вальяжный, как папа римский, частенько захаживал в многолюдную и шумную по тем временам таверну. Он приходил воспользоваться телефоном (поскольку свой отключил, чтобы не беспокоили) или заказать у хозяйки таверны, доньи Елены, ужин для приехавших в гости дру-

зей. Надо полагать, что кулинарное мастерство доньи Елены Неруда ценил очень высоко, поскольку знал толк в изысканных блюдах разных кухонь мира и сам готовил их не хуже профессионального повара. Как гурман он придавал значение мельчайшим деталям сервировки — мог менять скатерть, посуду, приборы несчетное число раз, пока не решит, что они соответствуют уровню предполагаемого пиршества.

Спустя двенадцать лет после его смерти все здесь словно быльем поросло. Донья Елена, тоскуя, уехала в Сантьяго, и таверна постепенно ветшала. Однако великая поэзия не спешила уходить из этих мест, напоминая о себе подземными толчками, которые после недавнего землетрясения прокатывались по побережью каждые десять — пятнадцать минут.

На Черном острове трясет всегда

Дом Неруды стоит стражей сосен, окруженный метровым забором, построенным, чтобы оградить личную жизнь поэта от посторонних глаз. Теперь в щелях проросли цветы. На воротах объявление, что дом опечатан полицией, вход и фотосъемка запрещены. Карабинер, патрулиро-

вавший вокруг, выразился еще яснее: «Здесь запрещено все». Мы об этом знали и без него, поэтому наш итальянский оператор взял для отвода глаз большую камеру, а снимать, когда карабинеры ее конфискуют, собирался пронесенной тайком портативной. Кроме того, группа разделилась на три части, чтобы в разных автомобилях отвозить по мере готовности отснятый материал в Сантьяго. Тогда в случае захвата мы лишимся только той пленки, которая окажется у нас при себе. В этом же случае киношники делают вид, что не знают меня, а мы с Франки прикинемся двумя безобидными туристами.

Двери дома заперты изнутри, окна зашторены белыми занавесками, флагшток у входа пуст — флаг всегда поднимали в знак того, что поэт у себя. Однако несмотря на всю эту тоску, бросается в глаза необычайная красота сада, за которым по-прежнему кто-то ухаживает. Супруга Неруды, Матильда, скончавшаяся незадолго до нашего приезда, после военного переворота вывезла из дома всю мебель, книги и все те религиозные и мирские коллекции, которые поэт собирал на протяжении своей кочевой жизни. Его дома в разных частях света совсем не отличались простотой, а напротив, поражали разными изысками. Обуреваемый жаждой постичь природу — не только в своих стихах — Неруда

коллекционировал безумные раковины, носовые корабельные фигуры, кошмарных бабочек, экзотические вазы и чаши. В одном из его домов посреди кабинета стояло чучело коня — не отличить от живого. Среди прочих его страстей выделялась (помимо поэзии) страсть перекраивать свои жилища как бог на душу положит. В результате один из домов получился таким причудливым, что попасть из гостиной в столовую можно было только через внутренний дворик, патио, и у поэта всегда имелся запас гостевых зонтов, чтобы приглашенные не промокли по дороге. Больше всего эти проделки радовали самого автора. Его друзья-венесуэльцы, для которых дурной вкус — плохая примета, называли эти коллекции порчей. То есть приносящими несчастье. А Неруда, покатываясь от хохота, отвечал, что поэзия отгоняет любую порчу, и не уставал демонстрировать свои страхолюдные экспонаты.

В действительности его основной дом находился на улице Маркес-де-ла-Плата в Сантьяго, где поэт скончался от лейкемии, усугубленной стрессом, через несколько дней после военного переворота. Дом разграбили карательные отряды, устроив заодно костры из книг в саду. На свою Нобелевскую премию, полученную, когда Неруда был послом «Народного единства» в Париже, он приобрел конюшню в старинном нормандском замке, перестроенную под жилье и вы-

ходящую на пруд с розовыми лотосами. Высокие потолки напоминали церковные своды, а витражи радовали глаз россыпью разноцветных огней, когда поэт, восседая на кровати, принимал своих друзей, величественный, как папа римский. Однако пользоваться этим домом ему не довелось и года.

И все же именно дом на Черном острове читатели прежде всего отождествляют с его творчеством. Даже после смерти поэта и при нынешнем запустении туда продолжают наведываться новые поколения влюбленных, которые при жизни Неруды только-только пошли в школу. Приезжая со всего мира, они рисуют сердечки с инициалами и оставляют романтические надписи на заборе, преграждающем подступы к дому. Большая часть надписей — вариации на одну и ту же тему: «Хуан и Роза полюбили друг друга благодаря Пабло», «Спасибо Пабло за то, что научил нас любви», «Хотим любить так же пылко, как ты». Но есть и другие, которые карабинеры не успевают ни отлавливать, ни уничтожать: «Знайте, генералы, любовь не умрет никогда», «Альенде и Неруда живы», «Минутой темноты нас не ослепишь». Эти надписи возникают в самых неожиданных местах, и кажется, что вся ограда — это слоеный пирог из строф, написанных за неимением свободного пространства поверх друг друга. Если бы хватило тер-

пения, можно было бы восстановить строфу за строфой целые стихотворения Неруды, раскиданные по разным планкам этого забора влюбленными, цитировавшими их по памяти.

Однако сильнее всего впечатляло то, что каждые десять—пятнадцать минут надписи будто оживали, сотрясаясь от подземных толчков. Забор ходил ходуном, словно пытался вырваться из земли, створки скрипели, слышался звон и скрежет, как на шхуне в шторм, и казалось, будто целый мир, с такой любовью возвращенный в этом саду, рушится вдребезги.

Как выяснилось на деле, перестраховывались мы зря. Конфисковать камеры и запрещать въезд было некому, поскольку карабинеры отравились обедать. Мы отсняли не только то, что собирались, но и многое сверх плана. Уго, словно опьяненный подземными толчками, кидался по пояс в бурные волны, которые с доисторической яростью обрушивались на берег. Рисковал он при этом сильно, потому что и без дополнительной тряски это неукротимое море могло расшибить его в лепешку о скалы. Но итальянца было не остановить. Уго снимал как заведенный, в упоении прильнув к видеоискателю, — любой, кто знает кинематограф изнутри, подтвердит, что бесполезно командовать оператором, впадшим в транс.

«Грация вознеслась в небеса»

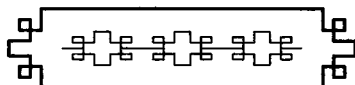
Как и предполагалось, каждую отснятую пленку срочно отсылали в Сантьяго, чтобы Грация тем же вечером увезла все в Италию. Дата ее отлета выбиралась с умыслом. Всю предшествующую неделю мы искали способ переправить из Чили готовый к тому моменту материал, но никак не могли подтвердить намеченные согласно первоначальному плану нелегальные каналы. В это время до нас дошли слухи, что в Чили прибывает из Рима новый кардинал, монсеньор Франциско Фресно, чтобы сменить ушедшего на покой семидесятипятилетнего кардинала Сильву Энрикеса. Основатель Викариата солидарности, кардинал Энрикес пользовался народной любовью и вдохновлял на борьбу духовенство, доставляя немало головной боли диктатуре.

Еще бы. В побласьонах священники нередко работают и плотниками, и каменщиками, и просто ремесленниками, плечо к плечу с жителями, а также погибают от пуль жандармов в уличных демонстрациях.

Не столько из солидарности с новым кардиналом (чьи политические пристрастия еще предстояло выяснить), сколько обрадованное уходом Сильвы Энрикеса, правительство на один день ослабило «гайки» осадного положения, обратив-

шись с призывом ко всем официальным средствам массовой информации осыпать монсеньора Фресно всяческими почестями. Однако в это же самое время генерал Пиночет отправился в двухнедельное турне по северу страны вместе со своей семьей и всей свитой из молодых малоизвестных министров — разумеется, для того, чтобы избежать участия в приеме, который неизвестно чем может обернуться. Из-за этой сумятицы, устроенной официальными властями, на Пласа-де-Армас, вмещающей по меньшей мере шесть тысяч человек, собрались только две тысячи.

В любом случае нетрудно было предположить, что именно этот период неразберихи как нельзя лучше подходил, чтобы вывезти из страны первую партию отснятого материала. Вечером мы получили в Вальпараисо зашифрованное сообщение: «Грация вознеслась в небеса». Читай: Грация прибыла в оцепленный как обычно, однако при этом гораздо более суматошный аэропорт, где жандармы сами помогли ей сдать багаж и улететь на том же самолете, который только что привез кардинала.

7. Полиция начеку. Круг начинает сужаться

Пока я катался по Консепсьону и Вальпараисо, Елена провела выходные в тревоге, поскольку на связь с ней я не выходил. В случае моего исчезновения она должна была доложить координаторам, однако, зная мою склонность к импровизации, на всякий случай решила выждать больше положенного. Так она проволочилась всю субботнюю ночь, а когда я не объявился и в воскресенье, стала налаживать розыск. Елена приготовилась дотянуть до полудня понедельника и тогда уже поднимать всех на ноги, но тут в гостиницу наконец приехал я, небритый и невыспавшийся. На счету у Елены было множество рискованных и ответственных операций, однако ни один своенравный фиктивный супруг, клялась она, не портил ей столько

крови. Впрочем, в этот раз имелся дополнительный и вполне обоснованный повод для недовольства. Ценой многочисленных ходатайств, отменявших встречи и скрупулезных расчетов ей удалось договориться о тайной встрече с руководителями Патриотического фронта имени Мануэля Родригеса — на одиннадцать часов утра этого понедельника.

Встреча эта была, без сомнения, самой трудной и опасной из всех намеченных и в то же время самой важной. Патриотический фронт имени Мануэля Родригеса почти целиком сформирован ровесниками, которые во времена прихода Пиночета к власти заканчивали начальную школу. Организация выступает за объединение всех направлений оппозиции для борьбы с диктатурой и возвращения демократии, которая позволит чилийскому народу самостоятельно решить свою судьбу. Движение носит имя Мануэля Родригеса — героического борца за независимость Чили 1810 года, наделенного, по преданию, сверхъестественными способностями, благодаря которым он преодолевал как внешние, так и внутренние препоны, поддерживая постоянную связь с освободительными войсками по ту сторону аргентинской границы, в Мендосе, и подпольными отрядами, сражавшимися внутри Чили, уже после того, как патриоты потерпели поражение и власть

снова захватили реалисты. Во многом тогдашняя ситуация в стране напоминала сегодняшнюю.

Встреча с руководителями Патриотического фронта — мечта любого хорошего журналиста. Я не был исключением. Мне удалось прибыть в последний момент, предварительно расставив в условленных точках съемочную группу. Я прикатил в одиночестве на автобусную остановку на улице Провиденсия, держа в руках опознавательный знак — сегодняшний номер газеты «Эль Меркурио» и журнал «Ке паса?». Больше ничего делать не надо было, только ждать, и когда ко мне обратятся с вопросом: «Вы на пляж?» — ответить: «Нет, я в зоосад». Пароль показался мне нелепым — какой идиот потащится на пляж осенью? — но, как потом объяснили двое координаторов из Патриотического фронта, абсурд служил гарантией безопасности, ведь вряд ли подобный вопрос возникнет у случайного прохожего. Через десять минут, уже начав беспокоиться, что привлеку ненужное внимание в столь людном месте, я увидел идущего навстречу молодого человека. Он был среднего роста, очень худой, прихрамывал на левую ногу, и по берету на голове я с первого взгляда опознал в нем подпольщика.

Он не таясь направился ко мне, и я, не дожидаясь паролей и отзывов, стал его отчитывать:

— Тоже мне маскировка! Даже я вас сразу раскусил.

Он посмотрел на меня изумленно и расстроено.

— Что, действительно бросаюсь в глаза?

— За версту.

Парень оказался с юмором, никакой конспираторской заносчивости, я сразу проникся к нему симпатией. Одновременно с ним к остановке подъехал грузовик с рекламой пекарни, и я сел рядом с водителем. Мы покружили по центру города, собирая участников итальянской съемочной группы. Потом нас высадили в пяти разных местах, пересадили по отдельности на другие автомобили и снова собрали в другом грузовике, где уже находились и камеры, и свет, и звуковая аппаратура. Я ощущал себя не участником серьезного и важного мероприятия, а персонажем из шпионского фильма. Связной в берете исчез на каком-то витке этих разъездов, и больше я его не видел. Вместо него появился водитель — тоже любитель пошутить, но суровый. Я сел рядом с ним, остальная группа позади, в кузове.

— Я вас покатаю немного, — заявил водитель, — чтобы вы почувствовали запах чилийского моря.

Включив радио на полную громкость, он принялся петлять по городу, и я окончательно сбился с курса. Однако и этого ему показалось недостаточно, поскольку он попросил нас закрыть

глаза, употребив уже подзабытое исконно чилийское: «А теперь, детишки, голову под крылышко». Поскольку на это мы не отреагировали, он выразился яснее:

— Быстренько, закрываем глаза и не открываем, пока не скажу, а пока не закроете, сказки не будет.

Он признался, что для таких операций у них имеются особые темные очки, которые издалика смотрятся как обычные солнечные, однако на самом деле полностью непроницаемы. Только в этот раз он забыл их взять. Итальянцы, сидящие в кузове, его чилийскую прибаутку не поняли, поэтому пришлось им перевести.

— Засыпаем, — велел я.

Они запутались еще больше.

— Спать?

— Да-да, что слышали. Баю-бай, глазки закрывай и не открывайте, пока не велю.

Расстояние в десять болеро

Они дружно повалились на пол, а я все пытался разобраться, через какой район города мы едем, но водитель заявил:

— Вас это тоже касается, так что давайте, голову под крыло.

Я откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Мы ехали под аккомпанемент сменяющих друг друга болеро из радиоприемника. Вечно живых болеро Рауля Шоу Морены, Лучо Гатики, Уго Романи, Лео Марини. Идет время, подрастают новые поколения, но нигде в мире болеро так не созвучно сердцу народа, как в Чили. Грузовик то и дело останавливался, водитель с кем-то неразборчиво шушукался, потом говорил: «Ну все, едем дальше». Судя по всему, выяснял дальнейший маршрут у других активистов движения, расставленных на ключевых постах. Один раз, думая, что он не видит меня, я попытался приоткрыть глаза, однако обнаружил, что зеркало заднего вида повернуто так, чтобы, разговаривая с постовыми, водитель мог следить за происходящим внутри грузовика.

— Осторожнее! — предупредил он. — Откройте глаза, мы тут же поворачиваем обратно, и на этом поездка заканчивается.

Я тут же зажмурился и начал подпевать радио — «Как я люблю тебя, ты же знаешь, как я люблю тебя». Итальянцы, лежащие на полу в кузове, хором подхватили. Водитель воодушевился:

— Ну хватит, ребята, хорошо поете, больше не надо. Вы в надежных руках.

До высылки я мог бы опознать некоторые районы Сантьяго даже с закрытыми глазами:

бойню — по запаху въевшейся крови, коммуны Сан-Мигель — по ароматам машинного масла и железнодорожных материалов. В Мексике, где я прожил много лет, приближение к выезду на Куэрнаваку чувствовалось по неповторимому запаху бумажной фабрики, а Аскапоцалько выдавал дым нефтеочистительного завода. Однако во время нашей поездки в грузовике никаких специфических запахов не возникало, хотя я специально принохивался, из чистого любопытства, пока мы пели. Через десять болеро грузовик затормозил.

— Глазки не открываем, — поспешил предупредить водитель. — Выходим осторожно, держась за руки, чтобы не отбить копчик.

Мы послушно двинулись цепью по рыхлой тропинке, скачущей то вверх, то вниз, довольно крутой и, как мне показалось, затененной. В конце концов мы вышли на какую-то темную площадку, где было чуть теплее и пахло свежей рыбой. Мелькнула мысль, что мы спустились в Вальпараисо, на берег моря, но нет, туда ехать гораздо дальше. Когда водитель разрешил открыть глаза, оказалось, что нас привели в узкую комнату с голыми стенами и дешевой (но в приличном состоянии) мебелью. Передо мной стоял хорошо одетый молодой человек с небрежно наклеенными фальшивыми усами. Я рассмеялся:

- Поправьте усы, а то никто не поверит.
Он тоже рассмеялся и оторвал их совсем.
— Торопился.

Лед между нами сразу растаял, и мы, перешучиваясь, прошли в другую комнату, где лежал, видимо, забывшись тяжелым сном, парень с перебинтованной головой. Только тогда мы поняли, что очутились в хорошо оборудованной подпольной больнице, а в раненом узнали Фернандо Ларенаса Сегеля, номера один в розыске у жандармов.

В свои двадцать один он был активным бойцом Патриотического фронта имени Мануэля Родригеса. Две недели назад, когда Фернандо безоружный возвращался из Сантьяго домой в час ночи, его машину окружили четверо в штатском с винтовками. Не отдавая никаких приказов, ни о чем не спрашивая, один из них выстрелил через стекло — пуля прошла навывлет через левое предплечье и задела череп. Сорок восемь часов спустя четверо участников Патриотического фронта отбили товарища из клиники Нуэстра-Сеньора-де-лас-Ньевес, где он лежал в коме под охраной полиции, и перевезли в одну из четырех подпольных лечебниц организации. К дню нашего приезда он уже вполне поправился, чтобы отвечать на вопросы.

Через несколько дней мы встречались с высшим руководством Патриотического фронта —

пройдя через те же почти киношные предосторожности, но с одним существенным различием: вместо подпольной лечебницы нас привезли в дом среднего класса, оживленный и уютный, с богатым собранием пластинок великих исполнителей и замечательной библиотекой из явно читанных книг (что в хороших домашних библиотеках встречается не так часто). Изначально предполагалось закрыть лица руководителей в кадре капюшонами, но потом решили обойтись затемнением и черными квадратами. В результате (как видно в фильме) получилось куда человечнее и доверительнее, уж точно не так агрессивно, как на традиционных интервью с подпольщиками.

Проведя все нужные встречи с политиками легальными и подпольными, мы с Еленой пришли к обоюдному согласию, что ей пора возвращаться к своим обычным делам в Европе. Такого ценного деятеля негоже подвергать лишнему риску из-за нашей безответственности, а я все-таки к тому времени уже набрался достаточно опыта, чтобы без ее участия снять оставшиеся сцены, чреватые меньшими опасностями. Больше я с ней до сих пор не виделся, однако, глядя, как она удаляется в переход метро, в прежней клетчатой юбке и школьных мокасинах, понял, что скучать буду куда сильнее, чем кажется пос-

ле всей этой взаимной нервотрепки и притворной романтики.

На случай, если иностранным съемочным группам придется вдруг спешно покидать страну или им запретят работать, один из секторов сопротивления помог мне сформировать резервную группу из молодых кинематографистов, входящих в ряды подпольщиков. Это была несомненная удача. В скорости и продуктивности группа не уступала остальным, действуя к тому же осознанно, а не вслепую, как остальные, поскольку руководители заверили нас, что участники не только заслуживают полного доверия, но и знают, как поступать в случае рискованных ситуаций. Под конец, когда иностранцы уже не справлялись своими силами, нам пришлось набирать еще людей, чтобы снимать в поблассонах, и тогда эта резервная группа создала еще резерв, а те уже свой, и в последнюю неделю у нас оказалось шесть чилийских команд, работавших одновременно на разных участках. Кроме того, в моих глазах они демонстрировали решимость и готовность нового поколения без спешки и шума освободить Чили от гнета военной диктатуры. Несмотря на юный возраст, у них за плечами не воздушные замки, а незаметные подвиги и тайные победы, бережно и скромно хранимые в сердце.

Кольцо сжимается

Пока мы встречались с руководителями Патриотического фронта, в Сантьяго прибыла французская группа, отлично отработавшая свою часть задания. Ее вклад был как нельзя более важен, поскольку исторически именно там, на севере, формировались чилийские партии. Здесь виднее всего идеологическая и политическая преемственность — от Луиса Эмилио Рекабаррена, основавшего в начале века первую рабочую партию, до Сальвадора Альенде. Здесь расположено одно из богатейших в мире месторождений меди, разработанное англичанами в прошлом веке, во времена промышленной революции. Здесь зарождался наш рабочий класс. Здесь же началось чилийское социальное движение, несомненно, важнейшее в Латинской Америке. Самым главным и самым рискованным шагом Альенде после прихода к власти стала национализация добычи меди. Пиночет первым делом вернул медные рудники прежним владельцам.

Жан-Клод, режиссер французской группы, привез подробный и обширный отчет о проделанной работе. Мне предстояло вообразить материал в готовом виде, каким он окажется на экране, чтобы не нарушить целостность картины, поскольку увидеть проявленную пленку я

смогу только в Мадриде, по возвращении из поездки, когда переснимать что-то будет уже поздно.

Отчасти из соображений безопасности, но больше ради удовольствия поехать по Сантьяго мы не стали встречаться с Жан-Клодом в условленном месте, а отправились очередным осенним утром в путешествие по городу. Мы гуляли пешком по центру, садились в самые неподходящие автобусы, пили кофе в самых неприметных местах, ели креветки с пивом и уже поздним вечером оказались так далеко от гостиницы, что возвращаться пришлось на метро.

Метро я не знал совсем, потому что оно открылось уже при хунте, хотя строительство начали при Монтальве и продолжили при Альенде. Меня оно удивило чистотой и удобством, а также тем, как быстро мои соотечественники привыкли перемещаться под землей. Туда мы еще не добрались, поскольку не могли придумать убедительного довода, чтобы получить разрешение на съемку. И тут мы сообразили, что раз метро строили французы, можно именно под этим предлогом запустить туда съемочную группу Жан-Клода. Обсуждая неожиданную идею, мы доехали до станции «Педро Вальдивия» и там, уже поднимаясь на поверхность, я отчетливо ощутил, что за нами наблюдают. Чутье не

обмануло: полицейский в штатском смотрел на нас так пристально, что наши с ним взгляды скрестились на полпути.

К тому времени я уже научился различать среди толпы этих полицейских в штатском. Они думают, что одеты в гражданское и незаметны, однако ходят в неизменных темных старомодных плащах и с короткими, почти под ноль, армейскими стрижками. Сильнее всего их выдает взгляд, поскольку у чилийцев не принято пялиться на прохожих — шагая по улице или передвигаясь на автобусе, человек смотрит в пространство. Поэтому, заметив корпулентного мужчину, который даже под моим взглядом не отвел глаза, я сразу распознал в нем жандарма. Он стоял, засунув руки в карманы толстого суконного пальто, зажав в углу рта дымящуюся сигарету и щуря левый глаз от дыма — жалкая пародия на киношного детектива. Сам не знаю почему, я принял его за «толстяка Ромо» — наемника и провокатора, который, внедряясь в отряды левого движения, выдал многих подпольщиков, впоследствии казненных.

Понимаю, что я допустил серьезный промах, глядя на него вот так, в упор, но поделать ничего не мог — это получалось само собой, невольно. Повинуясь тому же внутреннему порыву, я скопил глаза сперва налево, потом направо и засек еще двоих в штатском.

— Говори, что придет в голову, не молчи, — велел я Жан-Клоду вполголоса. — Говори, только не жестикулируй, не смотри никуда, ничего не делай.

Он понял, и мы как ни в чем не бывало стали подниматься по лестнице дальше, выходя на поверхность. Стоял поздний вечер, но, в отличие от предыдущих дней, теплый и ясный, поэтому на проспекте Аламеда было много людей, возвращающихся домой с работы. Там мы с Жан-Клодом разделились.

— Скройся, — велел я. — Потом я тебя разыщу.

Он побежал направо, а я растворился в толпе с противоположной стороны. Там я остановил взмахом руки проезжающее такси и успел увидеть выходящую из метро удивленную троицу, не знающую, кого теперь преследовать — Жан-Клода или меня. Их поглотила толпа. Через четыре квартала я вышел из такси, поймал другое, встречное, и так пересаживался еще несколько раз, пока не оторвался от слежки окончательно. Единственное, что оставалось для меня загадкой — почему за нами вообще стали следить.

Выйдя из такси у первого же попавшегося кинотеатра, я вошел внутрь, не глядя на афиши, убежденный, в силу профессиональной деформации, что нет лучшего места для раздумий, чем темный кинозал.

«Как вам нравятся мои булки?»

Программа, как оказалось, включала в себя и фильм, и некое представление. Не успел я усестя, как фильм закончился, зажгли приглушенный свет, и конференсье начал пространно рекламировать спектакль. Я, все еще не отойдя от пережитого, поминутно оглядывался посмотреть, нет ли погони. Вслед за мной начали обращаться соседи, повинуюсь неистребимому инстинкту, — как на улице, когда кто-то вдруг останавливается и устремляет взгляд к небу, вся толпа прохожих делает то же самое, пытаясь понять, что он там увидел. Однако здесь, в зале, ими двигало не только это.

Странное здесь было место. Декорации, свет, непонятная смесь кинотеатра и стриптиз-бара, и, главное, сами зрители — мужчины, словно сбегавшие из мест не столь отдаленных. Весь зал, включая меня, смахивал на сборище нелегалов, которое, оправданно или нет, вызовет подозрения у любого жандарма.

Впечатление запретности спектакля усиливалось ведущими, особенно конференсье, который объявлял каждый номер в таких эпитетах, что больше подошли бы для ресторанного меню. Актеры появлялись по мановению его руки краше, чем мать родила, поскольку исправляли при-

родные недочеты с помощью росписи по телу. После парада-алле на сцене осталась одна брюнетка с астрономических размеров округлостями, которая, виляя бедрами, делала вид, что поет под гремевшее на полную мощь диско в исполнении Росио Хурады.

Когда я решил, что высидел уже достаточно и можно уйти, брюнетка спустилась со сцены в зал, таща за собой змеящийся шнур микрофона, и начала задавать зрителям развратные вопросы. Только я улучил момент для выхода, как, внезапно ослепленный прожектором, услышал над ухом деревенский говорок фальшивой Росио:

— А теперь вы, кабальеро, да-да, вы, с элегантными залысынами.

Элегантные залысины принадлежали моему альтер эго, однако отвечать за него, к сожалению, пришлось мне.

Дамочка приблизилась, подтягивая микрофонный шнур, и спросила, дохнув на меня луком:

— Как вам мои окорочка?

— Вполне, — ответил я в микрофон. — Что тут скажешь?

Тогда она повернулась спиной и отключила зад.

— А мои булки, кабальеро, как вам?

— Отлично. Подумать только.

После каждого ответа из динамиков доносился громкий хохот, как в низкопробных американских комедиях. И недаром, ведь в зале не смеялся никто, все вжимались в кресла, стараясь сделать как можно незаметнее. Стриптизерша подошла еще ближе, чтобы я смог разглядеть родинку на одной из ягодиц, темную и ворсистую, словно паук.

— Нравится моя родинка, кабальеро?

Задав вопрос, она подставляла мне микрофон, чтобы все слышали ответ.

— Конечно. Вы настоящая красавица.

— И что бы вы со мной сделали, кабальеро, если бы я предложила вам провести ночь вместе? Не стесняйтесь, расскажите.

— Даже не знаю. Любил бы страстно.

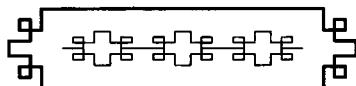
Эта попытка не кончалась. Кроме того, в замешательстве я совсем позабыл про уругвайский акцент и, спохватившись, решил в последний момент исправить упущение. Тогда она спросила меня, откуда я родом, подражая моему непонятному говору, и, выслушав ответ, воскликнула:

— О, говорят, уругвайцы просто звери в постели! Вы тоже?

У меня остался один выход — притвориться непроходимым занудой.

— Пожалуйста, не надо больше вопросов.

Поняв, что от меня толку мало, дамочка отправилась искать другого собеседника. Я же, выждав еще немного, чтобы мой уход не выглядел демонстративным, поспешно выбрался оттуда и зашагал в гостиницу. У меня крепло тревожное ощущение, что события сегодняшнего вечера не случайность.

8. Генерал, готовый признаться во всем

Помимо связей Елены у меня имелся и дополнительный источник поддержки — мои старые знакомые, благодаря которым удалось сформировать резервные чилийские съемочные группы и получить полную свободу передвижения в побласьонах. Первая, кого я отыскал, вернувшись из Консепсьона, была элегантная красавица Элоиза, жена известного промышленника. Она познакомила меня со своей свекровью, деятельной и энергичной вдовой лет семидесяти с лишним, которая, убивая время просмотром телесериалов, лелеяла голубую мечту пережить какое-нибудь волнующее приключение в реальной жизни.

Мы с Элоизой вместе участвовали в политических движениях в университете и особенно

сдружились во время последней предвыборной кампании Сальвадора Альенде, работая агитаторами. За несколько дней до своего приезда я случайно узнал, что Элоиза теперь звезда агентства по связям с общественностью, и не смог побороть соблазн позвонить ей, не называя своего имени, и убедиться, действительно ли это она. Ответивший мне спокойный уверенный голос казался вроде похожим, но дикция меня слегка смущала. Поэтому вечером я уселся в кафе на улице Уэрфанос, откуда видно было выход из офиса, и стал дожидаться. Она вышла. Разделившие нас двенадцать лет совсем на ней не отразились, она стала еще красивее и элегантнее прежнего. Заодно я выяснил, что у нее нет водителя (положенного супруге влиятельного промышленника по статусу) и свой сияющий «БМВ-635» платинового цвета она водит сама. Тогда я отправил ей письмо из одной-единственной строчки: «Антонио здесь и хочет увидеться». Под этим вымышленным именем она знала меня в годы студенческой борьбы и, я надеялся, помнила до сих пор.

Расчет оправдался. На следующий день ровно в час серебристая акула остановилась на углу проспекта Апокинадо, напротив салона «Рено». Я забрался внутрь и закрыл дверцу — Элоиза при виде меня сильно изумилась, но потом все же узнала, по улыбке.

— Ты с ума сошел! — воскликнула она.

— А ты сомневалась?

Мы отправились обедать в кафе, где я в первый день перекусывал в одиночестве, но обнаружили заколоченные крест-накрест двери и объявление, больше похожее на эпитафию: «Закррито навсегда». Пришлось пойти в знакомый мне французский ресторан неподалеку. Названия не помню, но ресторан очень уютный, с хорошим обслуживанием, расположен напротив самого известного и стильного мотеля в городе. Элоиза, пока мы обедали, шутила на тему припаркованных рядом автомобилей своих клиентов, приехавших в мотель предаваться любовным утехам, и я не утаивал восхищаться ее богатым чувством юмора.

Потом я перешел к сути дела. Рассказал без утайки о цели своего тайного приезда и попросил помочь связаться с нужными мне людьми, поскольку для нее, как для представительницы своего класса, это было чревато меньшим риском. Наша встреча состоялась, когда мы еще не решили, как снимать в побласьонах, не заручившись пока подходящим политическим «прикрытием», и я надеялся, что Элоиза может вывести меня на общих знакомых по «Народному единству», затерявшихся во мраке ссыльных лет.

Элоиза не только с большим энтузиазмом откликнулась, но и три вечера ездила со мной на

подпольные собрания в те районы, куда можно было без особой опаски сунуться на таком роскошном автомобиле.

— Кому придет в голову, что на «БМВ-635» ездит борец с диктатурой? — восклицала она в восторге.

Эта уловка помогла мне избежать ареста в один из вечеров, когда нас застали врасплох на тайном собрании из-за отключения электричества, устроенного в городе силами сопротивления. Организаторы предупредили меня заранее: сперва отключат свет на сорок минут, потом на час, и, наконец, Сантьяго погрузится в темноту на два-три дня. Встречу назначили на самое раннее время, поскольку полицию такие отключения приводили в неистовство, граничащее с истерикой, и уличные патрули зверствовали не на шутку, а затем наступал комендантский час. Однако по какой-то причине нас всех что-то задержало в последнюю минуту, и к первому отключению мы еще не закончили разговор.

Организаторы решили, что нам с Элоизой надо уходить сразу же как дадут свет, а остальные разойдутся по одному чуть погодя. Так и сделали. Как только электричество включилось, мы выехали на неасфальтированную дорогу, выходящую по горному склону. И вдруг на одном из поворотов перед нами вдруг показался «тоннель»,

образованный грузовиками Национального информационного центра, стоящими вдоль обочин. Рядом караулили сотрудники в штатском с автоматами. Элоиза хотела притормозить, но я ей не дал.

— Нужно остановиться, — настаивала она.

— Езжай спокойно, не нервничай, разговаривай, смейся как ни в чем не бывало и не тормози, пока не потребуют. Документы у меня в порядке.

С этими словами я похлопал по сумке — и похолодел. Папка с паспортом осталась в гостинице. Один из сотрудников преградил нам путь, подняв руку, и Элоизе пришлось остановиться. Нам посветили в лицо фонариком, обшарили лучом салон автомобиля — и отпустили без единого вопроса. Элоиза оказалась права: роскошь — гарантия благонадежности.

Бабушка с парашютом

В то время я и познакомился со свекровью Элоизы, которую мы с первой встречи договорились называть Клеменсия Изаура — в силу общих необъяснимых ассоциаций. В ее роскошный дом под номером семьсот двадцать семь в верхней части города мы нагрянули без предуп-

реждения в пять часов вечера. Хозяйка невозмутимо попивала чай с английским печеньем под звуки выстрелов и льющиеся на экране телевизора реки крови. Одета она была в дорогой костюм со шляпкой и перчатками, потому что каждый день ровно в пять часов она садится пить чай, наряжаясь, как на праздник, хоть ей и некому составить компанию. Однако подобные привычки знатной леди из английского романа с ее характером не очень вязались, поскольку, уже будучи солидной замужней дамой с детьми, она летала в Канаде на планерах и имела высокий разряд по прыжкам с парашютом.

Узнав, что нужна нам для участия в одном важном, тайном и рискованном деле, она обрадовалась:

— Замечательно! А то сплошная скукота — одеваешься, прихорашиваешься, а зачем — непонятно.

Однако выяснив, что мне всего-то нужно отыскать пять человек в труднодоступных районах города, несколько разочаровалась:

— Я-то думала, нужно будет по крайней мере взрывчатку подкладывать.

Искать этих пятерых по обычным подпольным каналам мне не хотелось. Со всеми пятью я работал еще до времен «Народного единства». Никого из них не выслали. Как раз один из них сообщил Эли в день военного переворота, что

меня расстреливают перед зданием киностудии. Другого отправили в первый год диктатуры в концлагерь, а потом, выйдя, он жил в Сантьяго обычной вроде бы жизнью, но вел неустанную политическую работу. Третий какое-то время провел в Мексике, налаживая связи с высланными чилийцами, затем с легальными документами вернулся работать в сопротивлении. С четвертым мы вместе начинали в театральном училище, потом продолжили в кино и на телевидении, а сейчас он активный рабочий руководитель. Пятый два года прожил в Италии, теперь водит грузовики, параллельно исполняя обязанности координатора. Все пятеро сменили за это время и адреса, и работу, и фамилии, поэтому выйти на них у меня не было никакой возможности. На самом деле таких, как они, в Чили пруд пруди — участников сопротивления, сменивших все документы после 1973 года, поэтому Клеменсии Изауре предстояла нелегкая задача — отыскать кончик ниточки, чтобы размотать весь клубок.

Заодно она должна была прощупать почву, выяснить, в каком расположении духа пребывают мои давние знакомые, прежде чем обрушивать на них новость, что я в Чили и нуждаюсь в их помощи.

Я не знаю точно, как она шла к поставленной цели. До моего отъезда мы толком не успели спо-

койно поговорить, и я ее подробно не расспрашивал, поскольку тогда не думал, что ее рассказ пригодился бы для этой книги. Помню только, что, по ее словам, ни один остросюжетный фильм не сравнится с тем, что ей довелось пережить во время поисков.

Знаю, что она бродила без устали целыми днями — тут спросит, там разузнает, цепляясь за те обрывочные сведения, которые мне удалось выудить из глубин памяти. Мой совет одеться как-нибудь поскромнее, чтобы в побласьонах сойти за свою, она пропустила мимо ушей и в дебри трущоб вокруг бойни отправилась, нарядившись точно так же, как на свой чай с английским печеньем. Представляю, какое изумление испытывали жители побласьонов, когда к ним вдруг начинала приставать с подозрительными расспросами о непонятных адресах невесть откуда взявшаяся рафинированная старушка. Однако благодаря своему непередаваемому обаянию и энтузиазму она мгновенно располагала к себе. В результате уже через неделю ей удалось разыскать троих и пригласить их к себе домой на ужин, не уступающий пышностью гала-приему. С этого началась организация чилийской съемочной группы и завязывание контактов для съемок в побласьонах.

Бесспорным кандидатом на главную роль для следующего этапа подготовки стала одна восхи-

тительная женщина — миниатюрная, скромная, почти незаметная, невероятно трудолюбивая и отлично разбирающаяся в хитросплетениях подпольной сети. Благодаря ей съемки в побласьонах прошли как по маслу, без единой накладки. Прозвище, которое мы ей придумали (поскольку настоящее имя оставалось для нас тайной), отражает не только ее характер, но и наше преклонение перед ее подвигом. Мы назвали ее «несокрушимая муравьишка».

Долгая охота на Дженерал Электрика

Пока Клеменсия Изаура работала над заданием, я использовал свободное от съемок время, чтобы с помощью Элоизы завязывать контакты на высшем уровне. Однажды вечером, когда мы сидели с ней в ресторане, дожидаясь связного, который, разумеется, так и не прибыл, в зал вошли два генерала, ослепившие всех блеском своих медалей. Элоиза помахала им издали рукой, и у меня сразу появились нехорошие предчувствия. Один подошел к нашему столу и, не присаживаясь, завел с Элоизой какую-то светскую болтовню, не удостоив меня даже взглядом. Точное его звание я определить не мог, потому что

никогда не умел ориентироваться по звездам ни на погонах, ни в отелях. Когда он вернулся к себе за стол, Элоиза, понизив голос, впервые сообщила о своем знакомстве с высокими военными чинами, с которыми часто контактировала по работе.

Она поделилась со мной своим соображением относительно немаловажного фактора, благодаря которому Пиночету удавалось удерживать власть: после того, как ушли в отставку многие чиновники его поколения, на высоких постах оказались их преемники, гораздо ниже Пиночета рангом, никогда не водившие с ним дружбу и плохо его знающие, поэтому подчиняющиеся ему беспрекословно. Однако отсюда же происходила уязвимость Пиночета, поскольку новички не считают себя причастными ни к убийству Альенде, ни к кровавым зверствам первых лет режима, ни к захвату власти. Не считая себя замаранными, они видят свое предназначение в том, чтобы, достигнув понимания с гражданами, вернуть страну на демократические рельсы. Видя мое изумление, Элоиза пошла еще дальше: по крайней мере один знакомый ей генерал готов открыто заявить о наметившихся в Вооруженных силах фундаментальных разногласиях.

— Его просто распирает от невысказанного, — поведала Элоиза.

Я сидел как громом пораженный. Возможность вставить в фильм такие беспрецедентные показания в корне меняла все ближайшие планы. К сожалению, Элоиза не готова была взять на себя риск первой обратиться к генералу с подобной просьбой и попросту не имела на это времени, поскольку через два дня улетала с мужем в Европу на три месяца.

Однако несколько дней спустя Клеменсия Изаура срочно вызвала меня к себе домой и вручила опознавательный знак, переданный ей кем-то по ходатайству Элоизы, который должен был вывести меня на Дженерал Электрика (так мы прозвали между собой генерала-диссидента). Знак оказался миниатюрной электронной доской для игры в шахматы, и с ней мне предстояло, начиная со следующего дня, к пяти часам вечера отправляться в церковь Святого Франциска.

Не помню, сколько я уже не заходил в церковь. Здесь, кроме всего прочего, мне бросилось в глаза, сколько народу — обоих полов — сидит с книгами или газетами, раскладывает пасьянсы, вяжет или играет в детские игры типа «кошки-мышки». Только теперь я понял, зачем Элоиза передала мне электронную шахматную доску, которую я поначалу счел не самым уместным для церкви атрибутом. Люди, точно так же, как в вечер нашего приезда, показались мне в сгущаю-

щихся сумерках молчаливыми и мрачными. На самом деле такими чилийцы и были до прихода «Народного единства». Коренные перемены начались, когда Альенде уже постепенно набирал популярность и стало ясно, что он может победить на выборах. Его победа преобразила страну: мы пели на улицах, разрисовывали стены, устраивали уличные театральные представления, крутили фильмы и объединялись в демонстрациях, где каждый мог выразить свой восторг и радость жизни.

Я прождал два дня, играя в шахматы со своим уругвайским альтер эго, а на третий услышал за спиной женский шепот. Я сидел на лавке, незнакомка опустилась на колени в следующем ряду, поэтому шептала почти мне в ухо.

— Не оглядывайтесь и ничего не говорите, — исповедальным голосом велела она. — Запомните номер телефона и пароль с отзывом, потом подождите пятнадцать минут, не выходите из церкви сразу за мной.

Только поднявшись и направившись к главному алтарю, я увидел, что моя собеседница — молодая и красивая монашка. Запоминать мне пришлось лишь пароль и отзыв, потому что номер телефона я выложил пешками на доске. Он должен был предположительно вывести меня на Дженерал Электрика. Однако судьба распоряди-

лась по-другому. Сколько я ни звонил с растущим беспокойством в последующие дни по указанному номеру, каждый раз ответ получал один и тот же: «Завтра».

Кто их там, в полиции, разберет?

В самый неожиданный момент Жан-Клод огорошил меня плохой новостью. Согласно сообщению агентства «Френч-пресс», опубликованному в Париже и описывающему события в Сантьяго недельной давности, троих участников итальянской съемочной группы, работавших в Чили на непонятных условиях, задержала полиция за съемки без разрешения в побласьоне Ла-Легуа.

Франки обеспокоился, что мы играем с огнем. Я решил пока не пороть горячку. Жан-Клод не подозревал, что, кроме его группы, со мной работают несколько других (равно как и они не знали о существовании французской группы), поэтому его встревожил скорее сам прецедент: если забрали кого-то, кто работает в аналогичных условиях, возможно, арест грозит и ему. Я попытался его успокоить:

— Не волнуйся. К нам это не относится.

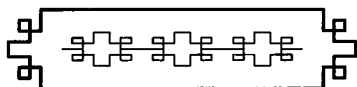
Оставшись один, я сразу бросился разыскивать своих итальянцев — и нашел их целыми и невредимыми на положенном месте. Грация уже прилетела из Европы и влилась в работу. Однако Уго подтвердил, что сообщение опубликовали и в Италии тоже, хотя итальянское информационное агентство его опровергло. Плохо, что в новостной заметке приводились фамилии арестованных, и ложная информация стремительно распространялась. Ничего удивительного. Сантьяго при диктатуре превратился в рассадник сплетен. Они возникают, множатся и исчезают по несколько раз на дню, обрастая подробностями, однако в основе их всегда лежит истина. Новость про итальянцев не была исключением. Накануне во время приема в итальянском посольстве все только об этом и говорили, поэтому прибывших киношников-итальянцев вышел встречать собственной персоной начальник Главного управления средств связи и во всеуслышание объявил:

— Видите, вот они, наши три арестанта!

У Грации еще до того, как она узнала о новости, появилось подозрение, что за ними следят. А уже после, по возвращении с посольского приема в гостиницу, итальянцы заметили, что кто-то копался в чемоданах и в бумагах на столе — при этом из номеров ничего не пропало. Возможно, им просто показалось от волнения, а может, за

них действительно взялись. В любом случае повод для беспокойства имелся.

Я провел бессонную ночь, сочиняя письмо председателю Верховного суда, где признавался в своем нелегальном возвращении на родину, чтобы держать при себе на случай ареста. Это был не сиюминутный порыв, а результат длительных размышлений, зревший по мере того, как сужалось кольцо вокруг нас. Сперва я думал ограничиться одной эмоциональной фразой — подобно посланию в бутылке, которое кидают в море жертвы кораблекрушения. Однако потом, уже начав писать, я понял, что необходимо дать политическое и человеческое обоснование своему поступку, поскольку в какой-то мере я выражал настроения тысяч и тысяч чилийцев, вместе со мной переживавших тяготы ссылки. Я несколько раз начинал и рвал исписанные листы, сидя в полутемном номере, ставшем для меня ссыльной территорией на собственной родине. Закончив, я услышал, как разбивают вдребезги тишину комендантского часа колокола, звонящие к заутрене, и увидел, как первые рассветные лучи пробиваются сквозь осенний туман — туман этой незабываемой осени.

9. Даже собственная мать не узнала

На самом деле у нас было полно причин опасаться, что полиция обратит внимание на мой приезд и на то, чем мы тут занимаемся. Мы проработали в Сантьяго уже месяц, съемочные группы неоднократно показывались на публике, мы выходили на связь с самыми разными людьми, и многим стало известно, что съемки режиссирую именно я. Свыкшись со своим новым обликом, я часто забывал изображать уругвайский акцент и вообще терял бдительность.

Поначалу встречи происходили в автомобилях, на которых мы бесцельно колесили по городу, пересаживаясь через каждые четыре-пять кварталов, — однако, избегая одной опасности, мы при таком способе навлекали на себя массу других. Например, однажды вечером я вышел из

автомобиля на углу Провиденсии и Лос-Леонес, где через пять минут меня должен был подобрать синий «Рено-12» с табличкой Общества защиты животных под ветровым стеклом. Он подъехал с такой точностью, минута в минуту, такой синий и блестящий, что я, даже не взглянув, есть ли табличка, забрался на заднее сиденье, где восседала обвешанная сверкающими украшениями дама зрелых лет, но еще не утратившая былой красоты, благоухающая чувственными духами, в норковой шубе стоимостью раза в два-три выше автомобиля. Типичная, хотя и редкая, представительница богатых районов Сантьяго. При виде меня она открыла рот от изумления, но я поспешил успокоить ее, произнеся пароль:

— Не подскажите, где сейчас можно купить зонт?

Облаченный в форму водитель прорычал, обернувшись:

— Вылезайте, или я вызываю полицию!

Я глянул на ветровое стекло и, не обнаружив там таблички, почувствовал, как сжимается все внутри.

— Простите, перепутал машину.

Но к хозяйке автомобиля уже вернулось присутствие духа. Придержав меня за плечо, она охладила ярость водителя певучим сопрано:

— «Париж» еще открыт, наверное?

Услышав, что, пожалуй, открыт, она велела водителю отвезти меня в универмаг, чтобы я купил себе зонтик. От ее красоты, сочетавшейся с остроумием и пылкостью, сразу улетучились все мысли о репрессиях, политике и искусстве, хотелось подольше побыть с ней наедине. Она высадила меня у входа в «Париж», извиняясь, что не сможет составить компанию в поисках зонта, поскольку уже полчаса назад должна была забрать своего супруга и поехать с ним на концерт всемирно известного пианиста, чье имя выпало у меня из памяти.

С этим риском мы сжились. От раза к разу пароли на тайных встречах становились все короче. Передружившись со всеми связными, мы, вместо того чтобы отправиться напрямик по указанному адресу, задерживались перекинуться парой фраз про политическую обстановку, новинки кино и литературы, общих знакомых, которых я мечтал увидеть, как бы меня ни отговаривали. Один раз, видимо, чтобы подчеркнуть невинность встречи, связной привел своего сынишку, и тот, захлебываясь от восторга спросил: «Это вы снимаете кино про Супермена?»

Так я постепенно начал осознавать, что в Чили вполне возможно жить нелегалом, как живут сотни высланных, тайком вернувшихся впоследствии, — причем живут обычной жизнью, не оглядываясь на каждом шагу. Если бы не обя-

зательства перед страной, друзьями и самим собой, я, сменив профессию и социальную среду, готов был бы остаться в Сантьяго, вернув себе прежний облик.

Однако здравый смысл диктовал, учитывая возможность слежки, совсем другую линию поведения. Кроме того, у нас зависли съемки во дворце Ла-Монеда, потому что выдача нужных бумаг раз за разом откладывалась по необъяснимым причинам, ждали своей очереди Пуэрто-Монт и Центральная долина, по-прежнему ускользал Дженерал Электрик. С другой стороны, в Центральной долине я собирался снимать сам, поскольку именно в этих краях я родился и рос. Там, в бедной деревушке под названием Пальмилья, по-прежнему жила моя мать, однако из соображений безопасности мне строго-настрого запретили с ней видаться в эту поездку.

Первым делом я реорганизовал работу иностранных съемочных групп, чтобы они с минимальным риском доделали начатое и как можно скорее вернулись по домам. В Сантьяго оставались только итальянцы (для участия в съемках внутри Ла-Монеды). Французы должны были отправиться в Париж сразу после съемок «голодного марша», назначенного на ближайшие дни.

Голландская группа дождалась меня в Пуэрто-Монте, чтобы совместными усилиями про-

вести съемку близ Полярного круга, а потом перебраться в Аргентину через приграничный перевал в Барилоче. На момент отъезда всех трех команд восемьдесят процентов материала уже должны были находиться на проявке в надежном месте в Мадриде. Эли справилась с заданием на отлично, поэтому благодаря ее титаническому труду фильм после моего возвращения в Испанию оставалось только смонтировать.

***«Литтин пришел, отснял
и был таков»***

Ввиду всех этих подозрительных обстоятельств нам с Франки единственным разумным вариантом представлялось разыграть свой отъезд из страны, а потом с величайшими предосторожностями вернуться. Для этого как нельзя лучше подходила поездка в Пуэрто-Монт, поскольку туда можно было с одинаковым успехом попасть как из Чили, так и из Аргентины. Так и сделали. Я попросил голландскую команду дожидаться меня там, а одной из чилийских групп назначил встречу тремя днями позже в долине Кольчагуа, расположенной в центре страны, сам же полетел с Франки в Буэнос-Айрес. За несколько часов до вылета я позвонил в журнал «Анализ» и без

предварительной договоренности дал журналистке Патрисии Коллиер подробное интервью о своем пребывании в Сантьяго. Через два дня после отъезда вышел журнал с моей фотографией на обложке и интервью под заголовком, от которого веяло историей Древнего Рима: «Литтин пришел, отснял и был таков».

Для пущей достоверности Клеменсия Изаура отвезла нас с Франки на своей машине в аэропорт Пудауэль, и мы устроили показательное прощание, со слезами и поцелуями. Мы отбывали с помпой, но под бдительным наблюдением подпольной службы безопасности, готовой забить тревогу, если нас задержат. Заодно мы получали возможность выяснить, что не состоим в «тревожных списках», и оставить свои фамилии в перечне зарегистрированных на рейс, чтобы при возможном расследовании полиция убедилась, что мы действительно покинули страну.

В Буэнос-Айресе я предъявил свой настоящий паспорт, чтобы не нарушать законы дружественного государства. И только подавая его в окошко на паспортном контроле, спохватился: фотография в настоящем паспорте, сделанная задолго до моего преображения, совсем на меня не походила. Депилированные брови, увеличившиеся залысины и очки изменили мой облик до неузнаваемости. К тому же меня заранее предуп-

реждали, что вернуть старое обличье не менее трудно, чем привыкнуть к новому, но, как водится, в самый нужный момент я об этом напрочь позабыл. К счастью, сотрудник паспортного контроля в Буэнос-Айресе даже не взглянул на меня, а я проглотил горькую пилюлю невозможности побыть самим собой хотя бы по документам.

Франки задержался в Буэнос-Айресе, чтобы согласовывать с Эли по телефону разные мелочи касательно оставшейся работы в соответствии с моими инструкциями, а также забрать деньги на последние расходы, которые Эли выслала из Мадрида. Поэтому в столице мы с Франки распрощались до новой встречи в Сантьяго. Я полетел в Мендосу, чтобы оттуда сделать предварительные кадры чилийской части гор. Это не сложно, поскольку из Мендосы в Чили ведет не особенно охраняемый тоннель. Я прошел его пешком, с одной легкой двенадцатимиллиметровой камерой, отснял с чилийской стороны все, что хотел, а обратно меня подвез водитель патрульной чилийской машины, сжалившийся над бедным уругвайским журналистом, не знавшим, как попасть обратно в Аргентину.

Из Мендосы я отправился дальше на юг, в другой приграничный район — Барилоче. Оттуда обшарпанный катер, заполненный аргентинскими, уругвайскими и бразильскими туриста-

ми, а также возвращающимися домой чилийцами, перевез нас к чилийской границе через потрясающие полярные пейзажи, с ледяными расщелинами и бурными водами. Последний отрезок пути до Пуэрто-Монта я проделал на пароме с разбитыми окнами, в которых по-волчьи завывал полярный ветер, и не было спасения от этого дикого холода. Еды и питья на пароме тоже не было, ни чашки кофе, ни бокала вина. Однако мои расчеты оправдались. Если полиция в аэропорту зафиксировала мой отлет, вряд ли им придет в голову, что на следующий же день я проникну обратно с другого бока, за тысячу километров от Сантьяго.

Незадолго до пограничного пункта паромщик собрал не меньше трех сотен паспортов, которые пограничники досматривали одним взглядом, в спешке и ничего не штампуя. Исключением оказались чилийцы, которых проверяли по длинному списку не допущенных к въезду в страну, висящему на стене перед глазами пограничников. Для остальных, в том числе и для меня, пересечение границы шло как по маслу, пока двое сотрудников, в которых я из-за теплой северной формы не узнал чилийских карабинеров, не приказали открыть чемоданы. Я понял, что досмотр предстоит тщательный, но беспокойства не испытал, поскольку точно, как мне каза-

лось, ничего подозрительного не вез. Однако из открытого чемодана вывалились и поскакали по полу пустые пачки из-под «Житана», исписанные моими режиссерскими заметками.

Перед поездкой я запасся «Житаном» в избытке, чтобы хватило на два месяца, а разрывать и выкидывать крупные пачки из толстого картона не решался, поскольку в Чили они слишком бросаются в глаза и мне не хотелось оставлять полиции лишний след. Пачки, опорожненные во время работы, я складывал в сумку, а потом рассовывал по разным местам. В какой-то момент я стал напоминать себе фокусника, распихивая пустые пачки по всем карманам висящей в шкафу одежды, и под матрас, и в дорожные сумки, так и не придумав пока безопасного способа от них избавиться. Меня терзали танталовы муки арестанта, роющего подкоп из камеры и не знающего, куда он выведет.

Собирая чемодан при переезде из гостиницы в гостиницу, я каждый раз ломал голову, что делать с такой прорвой пустых пачек. В конце концов я не придумал ничего лучше, чем таскать их с собой в чемодане, рассудив, что, если меня застигнут врасплох за их уничтожением, подозрений возникнет куда больше. В итоге я решил выбросить их в Аргентине, но так забегался, что

даже чемодан некогда было открыть. До самой таможни, где на глазах изумленных пограничников я принялся лихорадочно подбирать рассыпавшиеся пачки.

— Они пустые, — сообщил я.

Мне, разумеется, не поверили. Отправив младшего заниматься другими пассажирами, старший из пограничников принялся по одной перебирать пачки, открывая, осматривая со всех сторон и пытаясь разобрать мои каракули. И тут меня осенило.

— Это я так, стишата кропаю.

Пограничник молча продолжил осмотр, потом пристально глянул мне в лицо, видимо, надеясь прочесть там разгадку тайны пустых пачек.

— Если хотите, оставьте себе, — сказал я.

— А мне они на кой? — удивился он и помог собрать пачки обратно в чемодан, а потом перешел к следующему пассажиру. От волнения я не сообразил выбросить пачки в урну прямо там же, на глазах карабинеров, и таскал их с собой до конца поездки. И даже по возвращении в Мадрид я не позволил Эли их выкинуть. Я так сроднился с ними, что решил сохранить на память о пережитом, которое сознание всегда оставляет томиться на медленном огне ностальгии.

«Сфотографируйтесь с будущим страны»

В Пуэрто-Монте меня ждала голландская группа. Выбрать именно этот район нас побудили не только неописуемой красоты пейзажи, но и та роль, которую он сыграл в новейшей истории страны. Пуэрто-Монт был ареной непрекращающейся борьбы. После кровавых репрессий, устроенных здесь при Эдуардо Фрее Монтальве, последние прогрессисты вышли из состава правительства. Левые демократы осознали, что будущее не только их, но и всей страны — за единством. Так начался стремительный и неудержимый процесс, увенчавшийся победой Сальвадора Альенде на выборах.

Закончив съемки в Пуэрто-Монте, а с ними и всю запланированную для южных районов программу, голландская группа выехала через Барилоче в Буэнос-Айрес, везя богатый материал, который предполагалось передать Эли в Мадриде. Я в одиночестве отправился в Тальку на поезде, в котором провел чудесную ночь, ничем не примечательную, если не считать жареного цыпленка, вернувшегося целым и невредимым обратно в вагон-ресторан, поскольку разрезать его бронированный панцирь я так и не смог. В Тальке я взял напрокат машину и

поехал в Сан-Фернандо, сердце долины Кольчагуа.

На Пласа-де-Армас каждый уголок, каждое дерево, каждый камень напоминает мне о детстве. Сильнее всего, разумеется, старинное здание лицея, где я учился читать и писать. Я присел на скамейку, чтобы сделать фотографии, которые впоследствии пригодятся мне для фильма. Площадь постепенно заполнялась галдящими детьми, направлявшимися в школу. Некоторые останавливались попозировать перед фотоаппаратом, другие выставляли ладонь в объектив, а одна девочка выдала такое профессиональное балетное па, что я попросил ее повторить на более подходящем фоне. То один, то другой, присаживаясь рядом, предлагали:

— Сфотографируйтесь с будущим страны!

Формулировка меня удивила, поскольку что-то в этом роде я записал себе на одной из пресловутых пачек «Житана»: «В Чили практически невозможно отыскать человека, не задумывающегося о будущем». Особенно дети, представители поколения, не заставшего прежнюю страну, — у них, разумеется, имелось собственное видение своей судьбы.

С чилийской группой мы договорились встретиться в половине двенадцатого на мосту Де-лос-Макис. Я прибыл ровно в назначенное

время и, подъезжая справа, увидел уже установленные на противоположном берегу камеры. Стояло ясное, чистое утро, напоенное запахом чабреца, и на этой земле я наконец почувствовал себя почти своим, особенно скинув пиджак с галстуком и превратившись в себя прежнего — курточно-джинсового. Двухдневная щетина на подбородке, появившаяся за время переезда из Буэнос-Айреса, когда я успешно отказывал себе в удовольствии побриться, тоже стала данью прежнему облику.

Убедившись, что оператор уже поймал меня в видеоискатель, я вышел из машины и не торопясь пошел по мосту, чтобы успели отснять, а потом поздоровался со всеми по очереди. Меня вдохновляли их рвение и невероятная для такого юного возраста (пятнадцать, семнадцать, девятнадцать лет) зрелость. Самого старшего из них, руководителя группы, Рикардо, которому уже исполнился двадцать один, они называли «Старик». Ничто меня так не воодушевляло в эти дни, как их энтузиазм и помощь.

Прямо там же, на перилах моста, мы набросали съемочный план и принялись не откладывая воплощать его в жизнь. Сказать по правде, мои намерения начали несколько расходиться с первоначальными, соотносясь куда больше с воспоминаниями моего детства. Поэтому мы начали с

видов этого моста, откуда в двенадцать лет шайка двоюродных сестер спихивала меня в воду, обучая таким варварским способом плавать.

Однако мало-помалу основной замысел фильма отвоевывал сданные позиции. В долине Сан-Фернандо находятся обширные пахотные земли, где крестьяне, низведенные ранее до почти рабского положения, во времена «Народного единства» впервые почувствовали себя под защитой закона. Прежде здесь было что-то вроде оплота феодальной олигархии, которая манипулировала результатами выборов с помощью своих «крепостных». При христианских демократах Эдуардо Фрея здесь состоялась первая масштабная крестьянская забастовка, в которой участвовал лично Сальвадор Альенде. Именно он, уже придя к власти, отобрал у зарвавшихся землевладельцев все привилегии и объединил крестьян в крепкие сплоченные коллективы. Сейчас в Центральной долине неммым символом регресса торчит летняя резиденция Пиночета.

Разумеется, я не мог уехать из этих мест без фотографии памятника дону Николасу Паласьюсу, который в своем беспрецедентном труде «Чилийская раса» утверждает, что коренные чилийцы, населявшие страну до прихода иммигрантов — басков, итальянцев, арабов, французов и немцев, — происходят непосредственно от древ-

них эллинов и поэтому им уготовано судьбой господство над всей Южной Америкой, дабы указать всему миру путь к истине и спасению. Я родился неподалеку оттуда, поэтому все свое детство по нескольку раз в день проходил мимо памятника по дороге в школу, однако никто никогда не рассказывал мне, кому он поставлен. Пиночет, оказавшийся, напротив, большим поклонником идей Паласьоса, вытащил его из небытия, воздвигнув еще один памятник в самом центре Сантьяго.

Мы закончили съемки уже в сумерках, времени на то, чтобы преодолеть сто сорок километров до Сантьяго и не угодить в комендантский час, оставалось в обрез. Вся группа, кроме Рикардо, промаршировала прочь, а Рикардо сел за руль моей машины, и мы сделали большой крюк к морю, намечая точки для завтрашней съемки, при этом так увлеклись работой, что проскочили четыре полицейских кордона даже глазом не моргнув. Однако после первого я все же на всякий случай переоделся, перевоплотившись из режиссера Мигеля Литтина в чопорного уругвайца.

Полночь подкралась незаметно. Опомнившись — когда комендантский час уже тридцать минут как наступил, — мы оба занервничали. Тогда я направил Рикардо по главному шоссе, потом мы съехали на грунтовую дорогу (ничуть не изменилась, будто только вчера по ней ездил),

повернули налево, через мост, потом направо по незаметной деревенской улочке, где из темноты доносились голоса разбуженной скотины, затем, выключив фары, мы затряслись по ухабам и в конце концов доехали до спящей деревушки, где собаки подняли своим лаем на ноги весь скот во дворах, и затормозили на дальнем ее краю перед домом моей матери.

Рикардо не поверил (и до сих пор не верит), что я ничего не подстраивал заранее. Я же клянусь, что нет. Осознав, что мы влипли в комендантский час, я ничего другого не смог придумать, кроме как затаиться до рассвета, но от Сантьяго нас отделяли еще четыре полицейских кордона. И только оказавшись на шоссе, я узнал проселочную дорогу моего детства, потом собачий лай за мостом, запах золы в погашенных печках — и не смог побороть безотчетный порыв навеститься в гости к матери.

***«Ты, наверное, друг кого-нибудь
из моих детей»***

Пальмилья — деревушка с четырьмя сотнями жителей — совершенно не изменилась со времен моего детства. Мой дед со стороны отца (палестинец, рожденный в Бейт-Сахуре) и дед по ма-

теринской линии (грек Кростос Кукумидес) прибыли сюда в числе первых представителей иммигрантской волны, селившихся с начала века в окрестностях железнодорожной станции. Пальмилья тогда была конечной на ветке, которая теперь соединяет Сантьяго с побережьем. Поскольку там делали пересадку пассажиры, следующие к морю, с грузами, которые везли либо туда, либо оттуда, у станции развернулась оживленная торговля, способствовавшая быстрому обогащению местных. Позже, когда ветку продлили к побережью, здесь осталась обязательная остановка для заправки паровозов водой, которая часто из положенных десяти минут разрасталась на целый день, а за окном дома моей бабушки Матильды гудели прибывающие поезда. И все это время деревня оставалась прежней — длинная улица с разбросанными вдоль нее домами и дорога, где дома стояли еще реже.

Чуть пониже прячется деревушка под названием Ла-Калера, знаменитая тем, что каждая семья делает отменное вино, которое дает пробовать всем проезжим, собирая отзывы, какое лучше. Со временем Ла-Калера превратилась в настоящий рай для пьяниц со всей страны.

Матильда привезла в Пальмилью первые иллюстрированные журналы, к которым всегда питала неуемную страсть, и отдавала свой палисад-

ник под цирковые представления, балаган и кукольные спектакли.

Там же крутили и немногочисленные попадавшие в это захолустье фильмы; там в пять лет я увидел свое первое кино, сидя на коленях у бабушки, и именно тогда столкнулся с будущей своей профессией. Смотрели мы «Женевьеву Брабантскую», показавшуюся мне тогда очень страшным фильмом, и лишь много лет спустя я начал понимать, как скакали кони и откуда появлялись их огромные морды на простыне, растянута между двух деревьев.

Дом, куда ночью прибыли мы с Рикардо, принадлежал изначально моему греческому деду, а теперь там жила моя мать, Кристина Кукумидес. Там же вырос и я. Построенный в 1900 году, он до сих пор хранит черты традиционного чилийского жилища: длинные коридоры, темные переходы, лабиринт комнат, огромная кухня, а чуть поодаль — сарай и пастбище. Тот край деревни, где он стоит, называется Лос-Наранхос («апельсины»), и там действительно стоит вечный запах горьких апельсинов среди буйных зарослей бугенвиллеи и других ярких цветов.

Переполненный эмоциями от того, что очутился в родных местах, я выскочил из машины, не дожидаясь полного торможения. Прошагав по пустым коридорам, я пробрался через темный

внутренний дворик, но навстречу мне никто не выходил, кроме дурашливого пса, который принялся путаться под ногами. Я последовал дальше, не видя никаких следов человеческого присутствия. На каждом шагу перед глазами вставал какой-нибудь кадр из прошлого или доносился забытый запах. Наконец длинный коридор привел меня в гостиную, освещенную единственной тусклой лампочкой, и я увидел свою мать.

Мне открылась необычная картина. Просторная гостиная, с высокими потолками и гладкими стенами, а из всей мебели только кресло, в котором спиной к двери сидела мать, рядом печурка, и такое же кресло, в котором сидел мамин брат, мой дядя Пабло. В полной тишине, сосредоточенно, словно в телевизор, они оба смотрели в одну и ту же точку на белой стене. Я подошел к ним, уже не стараясь ступать потише, и, видя, что они даже не шелохнутся, сказал:

— А здороваться здесь, я гляжу, не принято? Мама поднялась.

— Ты, наверное, друг кого-нибудь из детей. Дай я тебя обниму.

Дядя Пабло, с которым мы не виделись все двенадцать лет, что меня не было в Чили, даже головы не повернул. С мамой мы встречались в сентябре прошлого года в Мадриде, однако теперь она обнимала меня как постороннего. По-

этому я взял ее за плечи и слегка встряхнул, выводя из ступора.

— Кристина, ты присмотришься. Это же я.

Она пригляделась — и все равно не узнала.

— Нет, я тебя не помню.

— Да как же не помнишь? — корчась от смеха, спросил я. — Я твой сын, Мигель.

Она посмотрела на меня еще раз и побелела как простыня.

— Сейчас в обморок упаду.

Пришлось подхватить ее, чтобы она не потеряла сознание. Дядя Пабло тоже разволновался:

— Вот уж кого точно не ожидал увидеть! Теперь хоть ложись и помирай спокойно.

Я кинулся обнимать его. Седой, закутавшийся в старый плед, он был похож на птицу, хотя на самом деле у нас с ним разница в возрасте всего пять лет. Один раз он женился, потом развелся и с тех пор жил в мамином доме. Он всегда был одиноким и уже в детстве казался маленьким старичком.

— Ну уж нет, дядя, — ответил я. — Сейчас-то зачем умирать? Лучше сходи в погреб и принеси вина, отметим возвращение.

И тут мама уже не впервые поразила меня своим сверхъестественным чутьем.

— Я как раз сделала мастул.

Я не поверил, пока собственными глазами не увидел на кухне готовое блюдо. Еще бы. Мاستул в греческих семьях готовят только по большим праздникам, потому что кушанье очень трудоемкое. В основе тушенная баранина с нутом и крупой, похожей на арабский кускус. В том году мать впервые приготовила его без всякого повода, просто по наитию.

Рикардо поужинал с нами и отправился спать, чтобы мы могли посидеть в тесном семейном кругу. Дядя тоже ушел немного погодя, а мы с мамой проговорили до рассвета. Мы с ней всегда легко и много беседовали по душам, тем более разница в возрасте у нас невелика. Она вышла замуж за отца в шестнадцать, а годом позже родился я, поэтому я прекрасно помню, какой она была в двадцать — очень красивой и нежной, и играла со мной не как с ребенком, а как со своей тряпичной куклой.

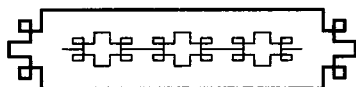
Она светилась от счастья, что я приехал, но мой костюм ее несколько обескуражил — прежний облик грузчика ей нравился больше.

— Ты на священника похож, — сказала она.

Я не стал раскрывать ни причин своего перемещения, ни цели приезда в Чили, поэтому мама считала, что я тут на законных основаниях. О своем путешествии я упоминал вскользь, в том числе чтобы не волновать ее, но прежде всего чтобы не скомпрометировать.

Перед самым рассветом она взяла меня за руку и повела куда-то через двор, освещая себе путь свечой, как в романах Диккенса. Меня ждал самый большой сюрприз за все путешествие. В глубине двора оказался мой кабинет, в точности каким я оставил его в нашей квартире в Сантьяго, уезжая из страны. Со всей обстановкой.

После того как нашу квартиру окончательно разгромили и мы с Эли и детьми вынуждены были перебраться в Мексику, мама наняла знакомого архитектора, и тот, разобрав кабинет по доскам, воссоздал его в нашем фамильном доме в Пальмилье. Он выглядел так, словно я и не уезжал никуда. На привычном месте в привычном беспорядке лежали мои бумаги — ранние театральные работы, черновики сценариев, наброски раскадровки. Тот же воздух, те же запахи — я будто вернулся в тот день и час, когда последний раз стоял в этом кабинете. И тут меня ошеломила горькая мысль: я не знаю, зачем мама воссоздала кабинет — чтобы я чувствовал себя как дома, если вернусь, или чтобы он напоминал обо мне, если я умру в изгнании...

10. Счастливый конец: жандармы приходят на помощь

Возвращение в Сантьяго принесло новые тревоги. Кольцо, сжимающееся вокруг нас все теснее, стало почти осязаемым. «Голодный марш» подавили с особой жестокостью, полиция набросилась на некоторых участников наших съемочных групп, одну камеру разбили. У наших знакомых по работе создалось впечатление, что в уловку с мнимым отъездом никто не поверил, и даже Клеменсия Изаура сравнивала нас со святыми мучениками, брошенными в яму ко львам. Попытки выйти на неуловимого генерала-диссидента разбивались о глухую стену неизменного: «Перезвоните, пожалуйста, завтра». И на фоне таких вот настроений итальянскую группу неожиданно известили, что на одиннадцать часов завтрашнего утра получено разрешение снимать во дворце Ла-Монеда.

Трудно было не заподозрить здесь хитроумную западню. Я сам не возражал пойти на риск, но отправить итальянцев в президентские покои, понимая, что, возможно, загоняешь их в мышеловку, — это совсем другое дело. Они, разумеется, с полным осознанием ответственности и возможной опасности решили все-таки поехать. У французской группы, наоборот, в Сантьяго дел уже не осталось. Поэтому я срочно собрал французов и велел улетать из Чили первым же рейсом, прихватив с собой весь готовый и ожидающийся отправки в Мадрид материал. Они улетели тем же вечером, в тот самый час, когда мы с итальянцами снимали кабинет Пиночета.

Перед выездом в Ла-Монеду я отдал Франки письмо в Верховный суд (которое уже несколько дней возил в чемодане, не решаясь отправить) с просьбой вручить немедленно и лично. Франки мою просьбу выполнил. Еще я оставил ему номера телефонов, выданных Еленой на случай чрезвычайной необходимости. Без четверти одиннадцать он высадил меня на углу Провиденсии, где я встретился с итальянской группой в полном составе, и мы вместе направились во дворец. Как ни парадоксально, в этот раз я переделался из костюма уважаемого уругвайца в свои джинсы с курткой на кроличьем меху. Трюк этот я проделал спонтанно, глядя, с каким пристрастием до-

смастривают журналистку Грацию, оператора Уго и звукорежиссера Гвидо. У их помощников, напротив, даже документов не спросили, хотя их фамилии тоже значились в разрешении. Этим я и воспользовался — прошел как помощник осветителя, навьюченный кабелями и софитами.

Целых два дня мы снимали в полном покое, под присмотром трех молодых и весьма любезных чиновников, которые время от времени сменяли друг друга. Мы выяснили все, что хотели, по поводу реставрационных работ, поскольку Грация тщательно подготовилась на предмет Тоески и итальянской архитектуры в Чили, чтобы никто не сомневался: других целей для съемки у нас нет и быть не может. Однако военные тоже подготовились на славу. Они со знанием дела рассказывали об истории и значении каждого уголка во дворце, о восстановлении прежнего облика в ходе реконструкции, но при этом проявляли чудеса словесной эквилибристики, избегая упоминаний о событиях одиннадцатого сентября 1973 года. В действительности восстановление велось по самому первоначальному проекту. Одни двери закладывали, другие пробивали, ломали стены, переносили перегородки и убрали неформальный вход с улицы Моранде, через который президент попадал во дворец без почестей, как частное лицо. Перемены оказа-

лись такими разительными, что человек, знавший прежний дворец как свои пять пальцев, в новом бы моментально заблудился.

Потом мы застигли своих сопровождающих врасплох просьбой показать оригинал Декларации независимости Чили, который много лет хранился в зале Совета министров и (как мы знали) был уничтожен при бомбардировке. Не признаваясь, что с ним случилось в действительности, они пообещали выхлопотать нам попозже специальное разрешение на съемку, а потом благополучно кормили обещаниями. По этой же причине нам не смогли сказать, где находится кабинет Диего Порталеса и музей, в котором хранились предметы, переданные в дар предыдущими президентами. Музей на самом деле погиб в огне. Та же участь скорее всего постигла бюсты всех президентов начиная с О'Хиггинса, хотя есть и другая версия, что хунта просто убрала всю галерею, чтобы не ставить туда бюст Сальвадора Альенде. В общем и целом, после экскурсии по дворцу создавалось впечатление, что целью всех переделок было стереть любые воспоминания об убитом президенте.

На второй день в Ла-Монеде прямо с одиннадцати утра в воздухе повисло напряжение, слышался быстрый топот армейских ботинок и лязг ружей. Наш сопровождающий неожиданно

утратил обходительность и, грубо махнув рукой, велел выключать свет и камеру. Перед нами выросли двое сотрудников в штатском с явным намерением помешать нам продолжить съемку. Мы не понимали, что произошло, пока не увидели генерала Аугусто Пиночета собственной персоной, одутловатого и зеленоватого, шествующего к себе в кабинет в сопровождении адъютанта и двух гражданских. Он появился так внезапно, что мы не успели ничего предпринять, но при этом прошел так близко, что мы услышали брошенные на ходу слова:

— Женщинам верить нельзя.

Уго застыл, прилипнув пальцем к кнопке камеры, будто перед ним представала его собственная судьба. «Надо было задумать покушение, — поделился он с нами позже, — прошло бы как по маслу». И хотя работы у нас оставалось еще часа на три, ни у кого в тот день не хватило настроения продолжать.

Сумасшедший в ресторане

Закончив с Ла-Монедой, итальянцы немедленно и беспрепятственно покинули страну с остатками отснятого материала. В общей сложности у нас получилось тридцать две тысячи двести

метров пленки, из которых, после шести месяцев монтажа в Мадриде, вышло четыре часа экранного времени для телеверсии и два часа для кино.

Несмотря на полное завершение изначально намеченной программы, Франки и я остались в Сантьяго еще на четыре дня — в надежде, что удастся поймать неуловимого Дженерал Электрика. Два дня подряд я каждые шесть часов приходил в кафетерий, который мне указали по телефону. Усаживался, располагался и начинал перечитывать свой томик «Потерянных следов», служивший мне талисманом в перелетах. В предпоследний день я наконец дождался — пришла двадцатилетняя девушка с ангельским личиком, в чопорной форме колледжа «Ла-Мезонетт», и назвала следующую явку — известный ресторан «Ше-Анри» на проспекте Порталес, куда мне надлежало явиться к шести вечера с номером «Эль Меркурио» и журналом комиксов.

Я приехал с небольшим опозданием — такси застряло в пробке, вызванной уличной демонстрацией, которую устроили участники мирного сопротивления диктатуре, выросшего на волне отчаянного поступка Себастьяна Асеведо в Консепсьоне. Полиция разгоняла демонстрантов водометами, но более двух сотен промокших до нитки протестующих, не сдаваясь, прижимались к стене и пели хором гимны любви. Все еще под

впечатлением от этой возвышенной акции, я взгромоздился на барный табурет и принялся, как велела мне та студентка, читать передовицу «Эль Меркурио», дожидаясь, когда ко мне обратятся с вопросом: «Любите читать передовицы?» На это я отвечу, что да. Тогда меня спросят почему, и я скажу: «Потому что в них освещаются экономические проблемы, интересующие меня в силу профессии». После этого я выйду из ресторана, и у входа будет ждать автомобиль.

Когда я уже три раза прочитал передовицу вдоль, поперек и по диагонали, кто-то подошел сзади и ткнул меня локтем в спину со словами: «Вот он». Я оглянулся. Там стоял мужчина лет тридцати, с мясистыми плечами, устремивший взгляд куда-то в направлении уборной. Я подумал, что его тычок подразумевал знак для меня проследовать туда же, но не тронулся с места, поскольку не услышал пароль. Еще немного посозерцав дверь уборной, незнакомец пошел дальше, напоследок еще раз ткнув меня локтем. Тогда я посмотрел ему прямо в лицо. У него был похожий на цветную капусту нос, искусанные губы и рваные брови.

— Привет! — сказал он. — Как дела?

— Отлично.

Он уселся на соседний табурет и спросил панибратским тоном:

— Ты меня помнишь?

— Ну конечно, — подыграл я. — Разумеется, помню.

В таком духе мы перебрасывались фразами еще пару минут, причем я демонстративно утыкался в передовицу, чтобы он все-таки вспомнил про пароль и отзыв. Безрезультатно. Он сидел рядом и смотрел на меня.

— Славно, — сказал он. — Тогда, может, угостишь меня кофе?

— Конечно, приятель, с удовольствием.

Я заказал официанту два кофе, но он принес только одну чашку.

— Я же просил два. Один для этого сеньора.

— Да-да, — кивнул официант. — Принесу, чуть попозже.

— А почему не сейчас?

— Секундочку, все сделаю.

Но кофе он не принес. Самое странное, что мой собеседник и на это не обратил никакого внимания, и нелепость ситуации только усилила мое беспокойство. Незнакомец положил мне руку на плечо.

— По-моему, вы совсем меня не помните.

Я как раз решил, что пора уходить.

— Честно признаться, нет, не помню.

Тогда он вытащил из бумажника пожелтевшую и потрепанную газетную вырезку и сунул ее мне под нос.

— Вот он я.

И я узнал. Бывший чемпион по боксу, довольно известный — причем не своими победами, а душевным расстройством. Я окончательно понял, что надо уносить ноги, пока еще не все на нас пялятся, и попросил счет.

— А мой кофе? — спохватился боксер.

— Еще с кем-нибудь выпьете. Я вам денег дам.

— Дались мне ваши подачки! Думаете, вырубили меня, теперь можно втаптывать в грязь? Не дождетесь!

На его возмущенные вопли стали оборачиваться посетители. Пришлось схватить его за мощное боксерское запястье и сжать железной хваткой дровосека, которую я, по счастью, унаследовал от отца.

— Сидите тихо, понятно? — глядя ему прямо в глаза, велел я. — Больше ни слова!

Мне повезло, он успокоился моментально, так же как и завелся. Поспешно расплатившись, я вышел в ледяную ночь и на первом же подвернувшемся такси поехал в гостиницу. На регистрационной стойке меня ждало срочное сообщение от Франки: «Твои чемоданы перенес в 727». Я понял сразу. Под «семьсот двадцать седьмым» скрывался на самом деле дом Клеменсии Изауры, а то, что Франки перевез туда мой багаж, в спешке покинув гостиницу, означало, что кольцо

вокруг нас сомкнулось окончательно. Не задерживаясь, я поехал на перекладных к Клеменсии Изауре, которая, как всегда невозмутимо, смотрела по телевизору Хичкока.

«Тикай или ложись на дно»

Франки передал через Клеменсию Изауру вполне исчерпывающие разъяснения. Под вечер в гостиницу явились двое в штатском и стали спрашивать про нас. Переписали данные из регистрационной книги. Когда портье сообщил Франки об их визите, тот сделал вид, что ничего необычного в этом не усматривает — мало ли, может, так и должно быть при осадном положении. Не выказывая ни малейших признаков беспокойства, Франки выписал нас из гостиницы, попросил портье вызвать такси до международного аэропорта, пожал ему руку на прощание и оставил щедрые чаевые. Но портье оказался не промах. «Могу порекомендовать гостиницу, где вас ни за что не отыщут». Франки, разумеется, предпочел притвориться, что не понимает намека.

Клеменсия Изаура уже приготовила мне комнату для ночлега и отослала служанку и шофера, чтобы у стен не оказалось ушей, а у зеркал — глаз.

Дождаясь меня, она приготовила великолепный ужин — свечи, изысканные вина, сонаты ее любимого Брамса. Потом был долгий разговор, состоявший из запоздалых сетований. Клеменсия Изаура огорчалась, что растратила свои годы на воспитание богатеньких детишек и игры в канасту с пустоголовыми матронами, а теперь остается только вязать носки под слезливые телесериалы. В свои семьдесят два она поняла, что истинное ее призвание — вооруженная борьба, конспирация, хождение по лезвию ножа. «Чем умереть в собственной постели от болезни почек, лучше пусть меня сразит свинец в уличной стычке с военщиной».

На следующее утро приехал Франки, сдав машину, которой мы пользовались до этого, и взяв напрокат другую. Он передал мне категоричное указание, прибывшее по трем разным каналам: «Тикай или ложись на дно». Последнее означало затаиться надолго, бросив всю работу, о чем и речи быть не могло. Франки придерживался того же мнения, поэтому купил два последних билета на вечерний рейс до Монтевидео.

Дело шло к финалу. Накануне я распустил первую чилийскую группу, наказав им, в свою очередь, распустить остальные, и передал связному от сопротивления три последние бобины с кинолентой, чтобы их как можно быстрее вывезли из

страны. Операцию провернули четко — когда через пять дней мы прибыли в Мадрид, бобины уже находились у Эли. Их привезла очаровательная молодая монашенка, похожая как две капли воды на Святую Терезу Иисуса. От приглашения на обед она отказалась, потому что до вечернего рейса в Чили ей нужно было выполнить еще три секретных задания. Недавно я совершенно случайно узнал, что это была та же самая монашенка, которая приходила в качестве связной в церковь Святого Франциско в Сантьяго.

Мне очень не хотелось уезжать, пока оставалась надежда все-таки встретиться с Дженерал Электриком. Тогда, в ресторане, нить снова оборвалась, но после завтрака у Клеменсии Изауры я позвонил еще раз по прежнему номеру, и уже знакомый женский голос попросил перезвонить часа через два, тогда будет окончательный ответ — да или нет. Поэтому я решил, что, если удастся выйти на связь хотя бы за минуту до вылета, я остаюсь в Сантьяго, невзирая на риск. Если нет — лечу в Монтевидео. Эта встреча стала для меня делом чести, и было бы до боли обидно не завершить ею полтора месяца наших удач и промахов.

Второй звонок принес тот же результат: перезвонить через два часа. Таким образом, до отлета у меня оставались еще две попытки.

Клеменсия Изаура порывалась вручить нам разбойничий револьвер, который ее муж всегда клал под подушку на случай нападения грабителей, но нам удалось отказаться. Провожая нас, она обливалась слезами, впрочем, думаю, не от разлуки как таковой, а от того, что предстоит вернуться к скучной жизни без приключений. Со своим альтер эго мне удалось распрощаться там же. Сложив самое необходимое в маленький чемодан, я отправил английские костюмы, льняные сорочки с чужими монограммами, итальянские галстуки ручной росписи и прочие салонные причиндалы, принадлежащие самому ненавистному для меня человеку, в большой чемодан на колесах и отдал его Клеменсии Изауре. Оставил только надетое на мне, но и эти вещи «случайно» забыл тремя днями позже в гостиничном номере Рио-де-Жанейро.

Следующие два часа мы потратили на покупку чилийских сувениров для моих детей и для друзей в изгнании. Потом из ближайшего кафе на Пласа-де-Армас я позвонил в третий раз и получил тот же ответ — повторить попытку в течение того же промежутка времени. Однако на этот раз голос в трубке был не женский, а мужской, хотя пароль он назвал правильно. Он предупредил, что, если не удастся за это время выйти на связь с генералом, следующей okazji ждать

не меньше двух недель. Мы отправились в аэропорт, собираясь последний звонок сделать уже оттуда.

По пути мы то и дело натыкались на дорожные работы, от указателей и знаков не было никакого толку, приходилось петлять и выискивать объезд. Дорогу в старый аэропорт, Лос-Серильос, мы с Франки знали отлично, а в Пудауэль — нет, поэтому сами не заметили, как заблудились в плотно застроенном промышленном районе. Мы кружили, кружили, пытаясь выбраться, не осознавая, что едем в прямо противоположном направлении, пока дорогу нам не преградила патрульная машина карабинеров.

Я вышел из автомобиля, думая обойти их пешком. Франки тем временем принялся заговаривать им зубы, не давая опомниться и что-то заподозрить. Он выдал им пространный и сумбурный рассказ о контракте на разработку спутниковой сети слежения за транспортными перевозками, который мы вот-вот подпишем с министерством путей сообщения и который непременно сорвется, если через полчаса мы не попадем на самолет до Монтевидео. В итоге, после горячего обсуждения маршрутов выезда на шоссе к аэропорту, двое карабинеров прыгнули в свой автомобиль и велели следовать за ними.

В аэропорт мы прибыли под завывание сирены и вспышки мигалок патрульной машины, гнавшей свыше ста километров в час. Франки рванул к стойке «Хертц», сдавать взятый напрокат автомобиль, а я побежал к телефону, в четвертый раз за день набирать тот же номер. Там было занято. Я сделал еще две попытки, и на третий послышались долгие гудки, но я только зря потерял время, потому что ответивший мне женский голос не назвал отзыв на мой пароль, и трубку раздраженно бросили. Я сразу же перезвонил еще раз и услышал мужской голос, знакомый по предыдущим звонкам, размеренный и учтивый, но, к сожалению, не обнадеживающий. Как и предупреждали, генерала теперь две недели не будет. Злой и обескураженный, я повесил трубку. До отлета оставалось полчаса.

Мы с Франки договорились, что я пройду паспортный контроль, пока он будет возвращать автомобиль в «Хертце», чтобы, в случае если меня задержат, он успел ускользнуть и поднять тревогу в Верховном суде. Но в последний момент я передумал и решил подождать его в полупустом зале перед паспортным контролем. Я сидел слишком долго и чем дольше сидел, тем больше привлекал внимание (особенно учитывая деловой портфель, два дорожных чемодана и сумки

с подарками). По громкой связи женский голос (кажется, еще более нервный, чем у меня) объявил, что заканчивается посадка на рейс в Монтевидео. Я в панике сунул носильщику чемодан Франки вместе с крупной купюрой и велел:

— Отнесите этот багаж к стойке проката «Хертц» и скажите сеньору, который там сейчас расплачивается, что я пошел на самолет, или пусть немедленно приходит.

— Сходите сами, — ответил он, — так будет проще.

Тогда я направился к сотруднице авиакомпании, выпускающей пассажиров на посадку.

— Пожалуйста, — попросил я, — подождите еще пару минут, я отыщу своего друга, он сейчас сдает прокатную машину.

— У нас всего четверть часа до взлета, — сказала она.

Наплевав на все приличия, я помчался к стойке. От волнения я окончательно сбросил чопорный облик своего альтер эго и снова стал взбалмошным кинематографистом. Долгая подготовка, скрупулезный расчет и изнурительные репетиции — все за две минуты полетело коту под хвост. Франки тем временем преспокойно обсуждал с сотрудником «Хертц» проблемы размена.

Два «зайца» на хвосте

— Ты спятил! — закричал я. — Плати как есть и жду тебя в самолете. У нас пять минут осталось.

Усилием воли заставив себя успокоиться, я проследовал на паспортный контроль. Пограничник открыл паспорт и пристально посмотрел мне в глаза. Я выдержал взгляд. Тогда он снова посмотрел на фото и на меня. Я держался.

— В Монтевидео? — спросил он.

— В родные пенаты.

Он поглядел на электронные настенные часы.

— На Монтевидео уже улетел.

Я принялся возражать, и он, справившись у сотрудницы «ЛАН-Чили», убедился, что нас действительно ждут. Оставалось две минуты.

Тогда он проштамповал паспорт и с улыбкой протянул его мне.

— Счастливого пути!

Не успел я отойти от будки контроля, как мою вымышленную фамилию объявили по громкой связи. Я понял, что это конец, что самое неоправданное, которое раньше могло произойти только с кем-то другим, теперь произошло и со мной. При этом я почему-то ощутил облегчение. На самом деле разыскивал меня конечно же Франки, чей посадочный талон я унес в своих бумагах.

Пришлось снова бежать к выходу, просить у погранконтролера, штамповавшего мой паспорт, разрешения пройти и вернуться, таща за собой Франки.

В самолет мы поднялись последними, и в спешке я даже не осознал, что один в один повторяю свои поступки двенадцатилетней давности, когда улетал в Мексику.

Мы уселись в самом хвосте, на единственные свободные места. И там на меня нахлынули совершенно противоположные настроению всей нашей поездки чувства. Глубочайшая грусть, ярость, невыносимая боль — и в то же время громадное облегчение, что все участники приключения целы и невредимы. Однако вновь проснувшиеся громкоговорители вернули меня к действительности:

— Всех пассажиров просим предъявить билеты на рейс. Проверка.

В салон уже входили двое в штатском, которые с одинаковым успехом могли быть и из авиакомпании, и из спецслужб. Мне много приходилось летать, поэтому я знал, что проверка посадочных талонов на борту в самый последний момент не редкость. Однако я первый раз видел, чтобы просили предъявить билеты. Означать это могло что угодно. В страхе я принялся искать спасения в зеленых глазах стюардессы, раздающей леденцы.

— Это просто вопиющее безобразие! — возмутился я.

— Ох, сеньор, что ж тут поделаешь... От нас ничего не зависит.

Франки, как всегда в критической ситуации прибегая к шутке, спросил, собирается ли она ночевать в Монтевидео, и девушка ответила ему в тон, что лучше справиться об этом у ее мужа, второго пилота. А я уже больше не мог выдержать ни секунды пребывания в фальшивой шкуре. Хотелось вскочить и, послав проверяющих к чертям, крикнуть им в лицо: «Да, это я — Мигель Литтин, кинорежиссер, сын Кристины и Эрнана, и ни вы, ни кто другой не вправе запрещать мне жить в собственной стране под собственным именем и внешностью». Однако в действительности я ограничился тем, что покорно и по возможности чинно протянул билет, скрывшись под надежным панцирем своего альтер эго. Контролер вернул мне билет, едва взглянув.

Через пять минут, пролетая над розовеющими на закате снегами Анд, я осознал, что шесть оставленных позади недель станут в моей жизни не самыми героическими, как думалось поначалу, а, что гораздо важнее, самыми достойными. Я посмотрел на часы — десять минут шестого. В этот час Пиночет, выйдя из кабинета в сопровождении своей свиты, прошел не спеша по длин-

ной пустынной галерее и спустился на первый этаж по роскошной покрытой ковром лестнице, волоча за собой тридцать две тысячи двести метров ослиного хвоста, который мы ему прицепили. Я мысленно от всей души поблагодарил Елену. Стюардесса с изумрудными глазами принесла нам по коктейлю и сообщила, хотя мы не спрашивали:

— Было подозрение, что в самолет пробрался «заяц».

Мы подняли бокалы.

— Два «зайца», — сказал я. — Ваше здоровье!

Содержание

От автора	5
1. Нелегал в Чили	8
Драма перевоплощения	12
Ослиный хвост для Пиночета	19
2. Обманчивый блеск столичных огней	24
И ради этого я прилетел?	29
В самом сердце ностальгии	33
Жуткая незабываемая тишина	38
3. Оставшиеся тоже стали изгнанниками	44
Трое обезглавленных свергают генерала ...	47
«Повезло вам, уругвайцам»	50
Оставшиеся тоже стали изгнанниками	55
4. Пять главных достопримечательностей	
Сантьяго	61
Пять достопримечательностей	66
И вдруг откуда ни возьмись — моя теща ...	71
Мост, повидавший все	75

5. Самосожжение перед собором. 78
 Неувядающие цветы на площади
 Себастьяна Асеведо. 81
 Как же трудно побриться в Консепсьоне! . . . 83
 Рай и ад. 88
 Бар, где ночуют чайки. 91
6. Двое вечно живых — Альенде и Неруда . . . 96
 Двое вечно живых — Альенде и Неруда . . . 101
 На Черном острове трясет всегда 104
 «Грация вознеслась в небеса» 109
7. Полиция начеку. Круг начинает сужаться. . . 111
 Расстояние в десять болеро 115
 Кольцо сжимается 121
 «Как вам нравятся мои булки?» 125
8. Генерал, готовый признаться во всем 129
 Бабушка с парашютом. 133
 Долгая охота на Дженерал Электрика. . . . 137
 Кто их там, в полиции, разберет? 141
9. Даже собственная мать не узнала. 144
 «Литтин пришел, отснял и был таков» . . . 148
 «Сфотографируйтесь с будущим страны» . . 154
 «Ты, наверное, друг кого-нибудь из моих
 детей» 159
10. Счастливый конец: жандармы приходят
 на помощь 166
 Сумасшедший в ресторане. 170
 «Тикай или ложись на дно» 175
 Два «зайца» на хвосте. 182

**ПРИБОРАТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **Буква******МОСКВА:**

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр.1, т. (495) 323-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-57-56
- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, стр. 1, т. (499) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр», 0 этаж, т. (499) 206-92-65
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон - Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «ХЛ-2», 3 этаж, т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», 3 этаж, т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул.Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, к. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», 2 этаж, т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская/Таганская», Большой Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (499) 306-18-98
- м. «Петровское-Разумовская», ТРК «ХЛ», Дмитровское ш., д. 89, 2 этаж, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пражский Пассаж», 2 этаж, т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т.(499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д.76, к.1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый Стан», Новоясеневский пр-т, вл.1, ТРЦ «Принц Плаза», 4 этаж, т. (495) 987-14-73
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15/1, т. (499) 977-74-44
- м. «Третьяковская», ул. Большая Ордынка, вл.23, пав. 17, т. (495) 959-40-00
- м. «Тульская», ул. Большая Тульская, д.13, ТЦ «Ереван Плаза», 3 этаж, т. (495) 542-55-38
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Шарицыно», ул. Луганская, д. 7, к.1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солнцевский пр-т, д. 21, ТЦ «Столица», 3 этаж, т.(495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д.5, к.1, т.(495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, д.9, ТЦ «Эдельвейс», 1 этаж, т. (498) 664-46-35
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», 2 этаж, т. (496) (24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская пл., д. 3, ТД «Дом торговли», 1 этаж, т. (496) (61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32а, ТРЦ «Счастливая семья», 2 этаж
- М.О., г. Лобня, Краснополянский пр-д, д. 2, ТРЦ «Поворот»

Регионы:

- г. Архангельск, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 64-00-95
- г. Астрахань, ул. Чернышевского, д. 5а, т. (8512) 44-04-08
- г. Белгород, Народный б-р, д. 82, ТЦ «Пассаж», 1 этаж, т.(4722) 32-53-26
- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- г. Воронеж, пр-т Революции, д. 58, ТЦ «Утюжок», т. (4732) 51-28-94
- г. Иваново, ул. 8 Марта, д. 32, ТРЦ «Серебряный город», 3 этаж, т. (4932) 93-11-11 доб. 20-03
- г. Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», 2 этаж, т. (3412) 90-38-31
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ», 3 этаж, т. (343) 253-64-10
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д.18, т. (4012) 66-24-64
- г. Краснодар, ул. Головатого, д. 313, ТЦ «Галерея», 2 этаж, т. (861) 278-80-62
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Курск, ул. Ленина, д. 31, ТРЦ «Пушкинский», 4 этаж, т. (4712) 73-45-30
- г. Курск, ул. Ленина, д.11, т. (4712) 70-18-42
- г. Липецк, угол Коммунальная пл., д. 3 и ул. Первомайская, д. 57, т. (4742) 22-27-16
- г. Орел, ул. Ленина, д. 37, т. (4862) 76-47-20
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 31, т. (3532) 31-48-06
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул. Революции, д. 13, 3 этаж, ТЦ «Семья», т. (342) 238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТК «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Ставрополь, пр-т Карла Маркса, д. 98, т. (8652) 26-16-87
- г. Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-37-48
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- г. Тюмень, ул. М. Горького, д. 44, ТРЦ «Гудвин», 2 этаж, т. (3452) 79-05-13
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (347) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д.105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т. (8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 30-47-51
- г. Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, 232-17-06
факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

В Москве:

- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, стр. 1, т. (499) 267-72-15
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон — Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (499) 306-18-98
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, к. 1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15/1, т. (499) 977-74-44
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, к. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Люберцы, ТЦ «Светофор», ул. Побратимов, д. 7, 4 этаж, т. (498) 602-82-65

В регионах:

- г. Владимир, ул. Дворянская, д.10, т. (4922) 42-06-59
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ», 3 этаж
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 66-24-64
- г. Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», 3 этаж, т. (861) 210-41-60
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул. Революции, д. 13, 3 этаж, ТЦ «Семья» т. (342) 238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТК «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», 1 этаж, т. 8-937-202-65-09
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-67
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (347) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д. 105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т.(8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 30-47-51

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой» или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, 232-17-06,
факс 615-51-10, E-mail: zakaz@ast.ru

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве
и ближайшему Подмосковию:
Тел./факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете
на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Информация по оптовым закупкам:
(495) 615-01-01, факс 615-51-10

E-mail: zakaz@ast.ru

МЫ ИЗДАЕМ НАСТОЯЩИЕ КНИГИ

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Гарсиа Маркес Габриэль
Опасные приключения Мигеля Литгина в Чили

Компьютерная верстка: В.Е. Кудымов
Технический редактор Т.В. Полонская

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

ООО «Издательство «Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

Издано при участии ООО «Харвест». ЛИ № 02330/0494377 от 16.03.2009.
Ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42, 220013, г. Минск, Республика Беларусь.
E-mail редакции: harvest@anitex.by

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009.
Пр. Независимости, 79, 220013, г. Минск, Республика Беларусь.

Габриэль Гарсиа Маркес

Опасные приключения Мигеля Литтина в Чили

В Европе и США эта книга произвела эффект разорвавшейся бомбы, – а в Чили ее первый тираж был уничтожен по личному приказу Аугусто Пиночета.

...В 1985 году высланный из Чили режиссер Мигель Литтин нелегально вернулся, чтобы снять фильм о том, во что превратили страну двенадцать лет военной диктатуры. Невзирая на смертельную опасность, пользуясь скрытой камерой, он создал уникальный фильм «Всеобщая декларация Чили», удостоенный приза на Венецианском кинофестивале. Документальный роман Маркеса – не просто захватывающая история приключений Литтина на многострадальной родине. Это великолепная стилизация в духе авантюрной испанской прозы XVI – XVII веков.

www.ast.ru
www.elkniga.ru

ISBN 978-5-17-076069-5

9 785170 760695